

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- Основные вопросы деятельности Комиссии при Исполкомах и Районных Советах Депутатов Трудящихся по контролю за соблюдением законодательства о культах.
- А. Краснов: Капля в микроскопе.
- Бедственное положение Православной Церкви в Кировской области и роль Московской Патриархии (из открытого письма Бориса Талантова от 10 ноября 1966 г.).
- Пасха на Колыме 1940 (из книги Е. С. Гинсбург).

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 83

TRIMESTRIEL

I - 1967

LE MESSENGER

périodique de l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Франция: К. А. Ельчанинов, В. А. Водов, проф. прот. Алексей Князев,
И. В. Морозов, свящ. Петр Струве, Н. А. Струве.

Америка: Архиеп. Сильвестр Монреальский и всея Канады, проф. прот.
Александр Шмеман, проф. прот. Иоанн Мейендорф, М. Гизетти, О. Раевская
Секретарь Редакционной коллегии: И. В. Морозов.

91, rue Olivier de Serres, Paris 15°. Tél. : BLO. 53-66

СОДЕРЖАНИЕ

От Редакции	1
Основные вопросы деятельности Комиссии при Исполкомах и Районных Советах Депутатов Трудящихся по контролю за соблюдением законодательства о культах	3
Капля в микроскопе — А. Краснов	7
Бедственное положение Православной Церкви в Кировской области и роль Московской Патриархии (Из открытого письма Бориса Талантова от 10 ноября 1966 г.)	29
50-е годы — Проф. В. Вейдле	65
Светлое Воскресенье — А. Одоевский	65
Пасха на Колыме 1940 г. (из книги Е. С. Гинсбург, изданной в 1967 году в Италии)	66

БИБЛИОГРАФИЯ

- « La Pensée Orthodoxe » — сборник статей профессоров Богословского Института в Париже — архим. А. Семенов Тянь-Шанский 68
- Миссионерская поездка в Брюссель — А. Д. Шмеман 79

Во Франции подписную плату просим вносить только на почтовый счет РСХД:

C.C.P. Paris 2441-04. Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°.

4 numéros par an. Abonnement annuel: 15 frs. Prix du numéro: 3 frs 75

Adresse de la Rédaction : Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier de Serres, Paris-15°. France.

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"

Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д. 2

Икб. 645

ОТ РЕДАКЦИИ

В настоящее время мы печатаем ряд документов, полученных нами из России, которые ярко свидетельствуют о новых тяжелых испытаниях, постигших Русскую Православную Церковь. Контроль жизни и деятельности Церкви со стороны атеистической власти фактически превращается в отстранение верующих от управления жизнью Церкви. Священный Синод постановлением от 19 апреля 1961 г. лишил настоятелей права административно-хозяйственного управления приходами, тогда как теперь советской властью предписано «исполкомам и районным советам депутатов трудящихся» составить новые «двадцатки».

Документ гласит: «Существующие сейчас «двадцатки» во всех общинах верующих не внушают особого доверия... Желательно, чтобы в подборе членов исполнительного органа Вы приняли участие и выбрали людей, проводящих нашу линию».

Совершенно явно, что надзор и управление жизнью прихода фактически переходит к лицам, пользующимся особым доверием советской атеистической власти.

Документ А. Краснова «Капля в микроскопе» необычайно ярко показывает уже претворение новых директив в жизнь и их последствия для жизни Православной Церкви. Появился новый тип церковного старосты, с помощью которого устраняются «неудобные священнослужители» и проводятся в жизнь незаконные меры против Церкви. С их же помощью закрываются храмы.

Открытое письмо Бориса Талантова от 10 ноября 1966 г., рисует страшную картину разрушения и закрытия храмов Кировской области. Потрясают подробности описания всех процессов, связанных с уничтожением замечательных храмов этой области. За короткий период с 1960 г. по 1964 г.

было закрыто 53 % церквей. Фактически же, за 50-ти летнее владычество в России, атеистической властью было закрыто 92 % церквей.

Борис Талантов в своем письме утверждает, что «верующие скоро заметили, что Патриархия и епископы не только полностью устранились от защиты законных прав верующих, но и активно поддерживают каждое мероприятие гражданских властей, направленное против Церкви».

Как страшна реальная действительность жизни верующих в Сов. России, ибо в настоящих условиях им не от кого ждать защиты, так как почти весь аппарат управления Церкви, с верху до низу, пронизан людьми, проводящими линию атеистической власти. Но документы, доходящие до нас, свидетельствуют и о другом, что в недрах Русской Церкви растет и крепнет мужественный голос неустрашимых защитников Правды Христовой и Его Церкви. Судьба их тяжка, но они поистине являют глубокую и живую любовь ко Христу, которая несомненно явится началом духовного обновления и возрождения русского народа. Там, где есть исповедничество, где мученичество является законом жизни, можно быть совершенно уверенным, что, именно, там, в недрах верующего народа, крепнет нравственная свобода, героический дух, являющиеся залогом будущей победы христианства.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИИ СОДЕЙСТВИЯ ПРИ ИСПОЛКОМАХ И РАЙОННЫХ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ПО КОНТРОЛЮ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КУЛЬТАХ

1. Общественные Комиссии Содействия по контролю о соблюдении законодательства о культурах создаются при Горрайисполкомах.

2. Комиссии руководствуются в своей работе законами, постановлениями, распоряжениями высших законодательных и исполнительных органов Советского Государства, относящимися к религиозным культурам, а также разъяснениями Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР по вопросам, касающимся применения законодательства о культурах.

3. В состав комиссии избираются лица политически подготовленные, могущие со знанием дела контролировать, наблюдать за религиозными обществами Советского законодательства о культурах.

В состав комиссии привлекаются депутаты Местных Советов, работники Культпросветучреждения, финансовых, органов народного образования, пропагандисты, пенсионеры, работники Сельсоветов и другие лица из числа местных активов.

Количественный состав Комиссии определяется с учетом необходимости изучения и контроля деятельности имеющихся на территории района религиозных обществ, а также выявления и пресечения нелегальной деятельности не зарегистрированных религиозных групп.

Комиссии содействия утверждаются Горисполкомами и Райисполкомами. Для комиссии выделяются заместитель Председателя или секретарь Горисполкома.

4. В обязанности комиссий входят: а) систематически изучать религиозную обстановку в населенных пунктах (независимо от наличия или отсутствия официально действующих религиозных обществ), собирать и анализировать данные о посещаемости верующими молитвенных собраний. Изучать контингент лиц, посещающих церковь, исполняющих религиозные обряды: крещение, отпевание, венчание, исповедание, степень влияния религиозных обществ и служителей культа на привлечение молодежи и детей

к религии и обрядам, проверять правильность учета религиозных обрядов, проверяя пресекать случаи крещения детей без согласия обоих родителей;

б) Постоянно изучать идеологическую деятельность церкви: проповедничество и приспособленчество, методы и приемы служителей культа, которые они используют для расширения или сокращения своего влияния на некоторую часть населения, особенно детей и молодежи.

Выяснять лиц из числа молодежи, которых служители культа пытаются подготовить и привлечь к религиозной деятельности;

в) Учитывать и изучать проводимые в населенных местах так называемые «престольные» и другие религиозные праздники, анализировать их отрицательное влияние на трудовые процессы, дисциплину, разрабатывать и вносить предложения, направленные на ликвидацию этих отрицательных явлений;

г) Изучать состав религиозных обществ (церковных исполнительных органов), выявить наиболее активных их членов;

д) Строго следить за соблюдением служителями культа и религиозными обществами Советского законодательства, выявлять попытки со стороны служителей культа нарушать Советские законы и своевременно информировать об этом Исполком;

е) Оказывать помощь финансовым органам в выявлении служителей культа, которые незаконно исполняют религиозные обряды на домах и квартирах верующих и получают вознаграждение без квитанции, укрывают доходы от обложения налогом;

ж) Выявлять лиц (незарегистрированных служителей культа), нелегально появляющихся в населенных пунктах и исполняющих религиозные обряды, и сообщать о них в Исполкомы.

Одной из важнейших задач комиссии содействия должно быть изыскание средств и внесения конкретных предложений, направленных на ограничение и ослабление деятельности религиозных обществ и служителей культа (в рамках закона).

Члены комиссии систематически информируют о своей работе председателя комиссии и аккуратно выполняют его поручения.

К ЗАКЛЮЧЕНИЮ ДОГОВОРА С «ДВАДЦАТКОЙ». Посылают текст договора Вашего Исполкома с общиной верующих на предмет передачи им в бесплатное пользование здания церкви, являющегося собственностью Государства.

Настоящий договор заключается не с Исполнительным органом общины, а со всей общиной, т. е. с двадцаткой, и подписывает этот договор с одной стороны председатель Совета (в данном случае лицо, которое ведает у Вас религиозным культом) и все члены двадцатки.

Следует учесть, что существующие сейчас «двадцатки» во всех общинах верующих не внушают особого доверия. Они почти целиком состоят из престарелых людей, неграмотных, фанатиков и мы не можем им доверить государственное имущество.

Порекомендуйте им составить новую «двадцатку» из лиц грамотных, могущих управлять общиной (не фанатиков), которые бы честно выполняли Советские законы и Ваши предложения, поручения.

Когда такая «двадцатка» будет составлена и она Вас будет удовлетворять, с такой «двадцаткой» и подпишите договор.

В «двадцатке» должно быть 20 человек, не более. Составляется она из граждан, подавших об этом заявление в общину верующих о том, что он желает быть членом «двадцатки» и нести материальную ответственность за имущество, переданное общине, а также сообщает, сколько ему лет, образование, где работает и адрес местожительства.

В некоторых церквях есть договоры при открытии церкви, аннулируйте их.

Договоры подписываются в трех экземплярах и к ним прилагается опись культового имущества тоже в трех экземплярах. В списки включается все, что есть в церкви, кроме предметов, которыми они торгуют.

Постройки, находящиеся в ограде церкви, жилые дома, гаражи, сараи и другие, кроме сторожки и конторы, а также жилые дома с надворными постройками, находящиеся за пределами церковной ограды, передаются общине на арендных началах. Колхоз заключает договор на передачу их общине в аренду и взыскивает с них арендную плату по статье, как предусмотрено постановлением СНК РСФСР от 26 марта 1926 г. пункт «Г» (см. жилищные законы издания 1957 г., стр. 542 на молитвенные здания). То же распространяется и на молитвенные дома.

Передача молитвенных и жилых домов в аренду не освобождает общины от уплаты налогов (страховки, земельной ренты, налог со строений). Договор об аренде заключает и подписывает Колхоз Совета.

После того, как договор подписан и заключен, пусть община верующих, т. е. «двадцатки», изберет Исполнительный орган (председателя, помощника и казначея) и 3-х членов ревкомиссии.

Желательно, чтобы в подборе членов исполнительного органа Вы приняли участие и подобрали людей, проводящих нашу линию.

В довершение всего, копию договора с приложением описи культового имущества, инвентаря, копию договора об аренде, список членов «двадцатки» и список членов исполнительного органа общины и ревкомиссии Вы направляете Уполномоченному в Обл-исполком для регистрации.

Рекомендую Вам в состав членов «двадцатки» не включать служащих церкви, священнослужителей, регентов, сторожей, уборщиц, конюхов, истопников, шоферов, просфорней, звонарей.

В состав «двадцатки» из служащих церкви могут быть избраны общиной: председатель, помощник, казначей и больше никто.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ по... области.

А. КРАСНОВ

КАПЛЯ В МИКРОСКОПЕ

Когда мне было одиннадцать лет и я учился в 4-м классе, наша учительница биологии Марья Кирилловна (полная, высокая, седовласая женщина, со стриженными волосами) принесла в биологический кабинет металлический, яркий, блестящий предмет — микроскоп.

«Толя Левитин, — скомандовала учительница, — подойди сюда, возьми кусочек стекла, капни на него из крана чистую, прозрачную, холодную каплю... положи ее под микроскоп. Теперь взгляни», — прибавила она. И я взглянул... Боже, что я увидел. Капля оказалась омутом, берлогой, населенной чудовищами... «Это микробы», — сказала учительница. Так для меня открылась внутренняя, страшная жизнь капли.

**

В Москве, на Новокузнецкой ул., в Вишняковском переулке — церковь, белая, светлая, чистая, как зимняя капля. И носит она красивое название, которое как целящий бальзам для страждущей души. Церковь «Николы в Кузнецях» — Божией Матери «Утоли моя печали».

Капля. Да, капля. Ведь каждый храм, каждый приход — это капля, крошечная капля бездонного океана, имя которому Вселенская Церковь. Это благодатная капля благодатной церкви. И потому ежедневно совершаются в храме чудеса веры и любви Божией. Грешные люди обновляются духовно, болящие получают исцеление, иссохшие, мертвые души здесь получают живительную влагу — утоляют свои печали, чувствуют радость воскресения.

Но это также часть церкви Российской. Капля большой церкви. Поэтому страшновато приходиться сюда с микроскопом. Вас испугают в этой капле все болезни русской церкви.

Я отчетливо помню то чувство страха и оцепенения, которое я испытал, взглянув в микроскоп. Но я помню добрую усмешку старой учительницы: «Не бойся, мальчик, вода остается водой, которая питает нас, несмотря на все микробы, — только надо знать, что таится и в чистой воде — чтобы не заболеть брюшным тифом».

И я смело приношу с собой микроскоп в храм, будучи твердо уверен, что живая вода Христова учения питает нас. Но надо знать и о микробах.

Итак, всмотримся в каплю, и давайте не бояться микробов.

Летом прошлого года, в своей статье «Слушая радио» я писал о зловключениях Никольского прихода, связанных с ролью нового старосты. Роль старост в современных приходах Русской Церкви особенная. О ней надо знать нам больше, чем обычно знаем. Поэтому, он, староста этой церкви, и будет главным героем нашей статьи.

1 января 1966 г. С. И. Пляшкевич приступил к обязанностям старосты. Это событие, отнюдь не имеющее исторического значения, является, однако, при настоящих условиях очень важным эпизодом в жизни прихода. Согласно новому порядку церковной жизни, существующему в Русской Церкви с 1961 г., староста — фактический хозяин церкви. Он стоит во главе исполнительного органа, практически осуществляет наем и увольнение служащих, заключает договоры с духовенством и фактически контролирует всю приходскую жизнь. При этом он ни в чем, ни с какой стороны, ни в каком отношении не подчинен церковному начальству. Он совершенно и во всех смыслах независим от церковной иерархии. Он самостоятелен и независим от правящего епископа и священника решительно во всем.

Кто же таков новый хозяин этого видного московского прихода?

С. И. Пляшкевичу 73 года. Он окончил когда-то сам духовную семинарию, по происхождению близок к Церкви. Именно это обстоятельство, видимо, и было главной причиной, побудившей выдвинуть С. И. Пляшкевича на должность старосты. Надо, однако, сказать, что С. И. Пляшкевич всегда мало участвовал в церковной жизни; долгие годы он работает хористом Малого театра и за плату поет в церкви.

Теперь, после года его работы в приходе, — возникает следующее законное недоумение — староста православного прихода, разумеется, должен быть членом общины и православным христианином. Непременная обязанность всякого православного христианина — это участие в Божественной трапезе. Всякого, кто в течение года, без особо уважительных причин, не был у исповеди и святого причастия, Церковь отсекает от себя как усохшую ветвь, как член омертвевший, потерявший связь с Источником жизни, — и он уже не имеет права называть себя православным христианином до тех пор, пока не прибегнет к Церкви с искренним, сердечным сокрушением, пока не излечится от своего мрачного безумия, ибо поистине безумен тот, кто удаляется от Чаши Жизни.

Но вот, С. И. Пляшкевич на протяжении всего 1966 г. ни разу не был у исповеди и святого причастия. Никто и не помнит, когда он бывал у исповеди и святого причастия раньше. Более того, гр. Пляшкевич, посещая богослужение, ведет себя даже на клиросе как неверующий человек и своим вызывающим поведением вносит соблазн в массу молящихся.

Спрашивается, является ли он православным христианином? С прискорбием следует констатировать, что С. И. Пляшкевич, как не приступающий к Святым Тайнам, в настоящее время не находится в евхаристическом общении с церковью и не может рассматриваться как ее полноправный член: ему (до принятия им Святых Тайн) нельзя сообщать благодать и других таинств и ему следует нести епитимию по указанию его духовного отца. Как не участвующего в харизматической (благодатной) жизни общины, его нельзя рассматривать и как члена общины. Сам по себе факт пребывания в должности церковного старосты человека, не находящегося в благодатном общении с церковью, уже является скандалом, ярко характеризующим современную обстановку в Русской Церкви.

Как, однако, правит гр. Пляшкевич доставшейся ему в удел общиной?

Впрочем, не совсем справедливо упрекать гр. Пляшкевича в небрежении ко всем таинствам. Одному он уделяет очень большое внимание. Хорошо известен незаконный, противоречащий Конституции порядок регистрации крещений, при котором требуются паспорта родителей, — причем церковь заставляют принимать на себя совершенно не свойственные ей милицейские функции. Гр. Пляшкевичу даже этот порядок показался недостаточно «гражданским». Движимый холопским усердием, он вздумал проверять у отцов крещаемых детей, кроме паспортов, также и военные билеты. Но и этого мало. Пляшкевич пошел еще дальше... и здесь неожиданно обнаружилось, что гр. Пляшкевич имеет громадный талант и особое жизненное призвание... Да, да, не шутите. Пляшкевич — человек с призванием... Каково же оно, это призвание? Певец? Нет, певец из него вышел неважный, — дальше хориста

драматического театра он не пошел. Церковный работник? Нет, уж если работник, так во всяком случае — не церковный. «Так кто же он, так что он за птица?». Сомнений здесь быть не может. Гр. Пляшкевич, по своему призванию, сыщик.

В самом деле, представьте себе заведующего билетной кассой в театре, на вокзале, на аэродроме, который, продав билет, тут же отправляется за зрителем, пассажиром, клиентом по пятам, проверяет его адрес, бежит в милицию, чтобы выяснить кто он таков, затем — в сельсовет, проверяет, сверяет, выясняет. Что сказали бы такому кассиру? Вероятно, его бы на первых порах посадили бы в сумасшедший дом. Если же выяснилось бы, что он человек психически нормальный, ему посоветовали бы поступить на работу в угрозыск. «Занимайтесь преступниками, — сказали бы ему, — там, действительно, надо следить, проверять, выяснять, а в том, что человек покупает билет, — нет никакого преступления, — и выяснять его личность нет никакой необходимости».

А теперь возвратимся к гр. Пляшкевичу. Он по должности старосты, собственно говоря, никто иной, как тот же кассир: его основная функция — получать деньги за требы. Правда, при этом записываются фамилии и адреса родителей крещаемых. Однако гр. Пляшкевич ведет себя тут как настоящий сыщик... На другой же день после крестин наш Шерлок Холмс посылает во все концы не только московской, а и других областей гонцов, которые рыскают по советам, по домоуправлениям, по милициям, сверяют, требуют справок, разыскивают... а вдруг кто-нибудь из родителей крещаемых неверно свое имя и звание показал. На вопрос о мотивах своих действий Пляшкевич обыкновенно отвечает не без бравады: «Я действую так, как велит мне гражданская совесть». Мы, конечно, восхищены Вашей гражданской совестью, гр. Пляшкевич, и приносим вам свои поздравления, но разрешите и нам задать вам нескромный вопрос: а почему, собственно, ваша совесть вам так велит поступать? И почему вы полагаете, что родители крещаемых могут неверно показывать свое имя, звание и адрес? Разве крестить своих детей преступление? Разве за это может последовать какая-нибудь кара? Разве у нас нет личной свободы совести и свободы отправления религиозного культа? Что гр. Пляшкевич молчите, не знаете что ответить?

Мы также молчим и не знаем что ответить.

***

Гр. Пляшкевич действует как самодержавный государь. Ревизионная комиссия просит его представить финансовую отчетность. Он ее не представляет. Без всяких оснований, не считаясь с Кодексом законов о труде, он снял всех работников в церкви, работавших там годами, и поставил вместо них никому неизвестных людей, которых никто в церкви никогда не видел и которые даже не дают себе труда притвориться, что они являются верующими людьми. С настоятелем храма Пляшкевич не здоровается. С другими священниками он говорит наглым, командорским тоном. Он не раз оскорблял их. «Ты кто такой? Семинаристик?», — говорит он второму священнику прихода, уже 11 лет служащему здесь, в присутствии верующих. Примерно такую же позицию занимают и другие работники, поставленные Пляшкевичем. «Передайте настоятелю, что он может зайти ко мне познакомиться» — передает через третьих лиц новый бухгалтер храма о. настоятелю, пожилому человеку, почтенному московскому протоиерею, имеющему авторитет не только в русских, но и в международных церковных кругах.

Почему же так поступает Пляшкевич? Разве он не знает, что согласно учению Церкви, пастыри являются поставленными Богом руководителями верующих, совершителями тайн Божиих, носителями Божественной Благодати и поэтому всякий православный христианин обязан их уважать? Да, все это Пляшкевич знает (недаром ведь он сам в прошлом «семинаристик»). Но он не считает для себя обязательным исполнять эту обязанность православного христианина. А может быть считает даже нужным для чего-то делать именно так?

Что отвечает, однако, гр. Пляшкевич, когда ему указывают на незаконность и просто на неприличие его поведения. Он отвечает всегда лишь одним, по его мнению, всемогущим аргументом: «Так велят вышестоящие органы». Аргумент разящий, что и говорить, после этого остается лишь рассыпаться в извинениях и поспешить на ципочках отойти в сторону. Все же мы наберемся смелости и спросим: «А какие это такие органы?»

Церковь у нас отделена от государства. Для старосты поэтому есть только один вышестоящий орган — община верующих, которая его поставила. Но, как увидим ниже, с этим органом гр. Пляшкевич меньше всего намерен считаться. Что же это за вышестоящие органы? Быть может, уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Московской области? Но уполномоченный, насколько это известно от посещавших его прихожан, даже

выразил изумление, узнав о том, как Пляшкевич принял на себя должность сыщика. Тогда, быть может, секретарь Райисполкома? Но почему гр. Пляшкевич прямо на него не сошлется и не покажет письменных инструкций?

Секретность, которой окружает гр. Пляшкевич свои таинственные «вышестоящие органы», заставляет предполагать, что речь идет об органах, деятельность которых действительно носит секретный характер и которые имеют секретных сотрудников. Ну что ж, можно, конечно, допустить, что Пляшкевич как-то связан с этими органами. Но ведь можно и усумниться в этом. Потому что, зачем этим органам вмешиваться во внутриприходскую жизнь? Их назначение — блюсти государственную безопасность, вылавливать преступников (шпионов, диверсантов, мятежников), — к тому, кто крестит или не крестит своих детей, кто стоит у свечного ящика, за выручкой и т. д., — они не имеют решительно никакого отношения. Обращаться к ним с этими вопросами так же странно, как обратиться, например, с этими вопросами в Министерство здравоохранения, в Палату мер и весов и т. д.

Правда, было время, когда органы гос. безопасности у нас играли невероятно гипертрофированную роль, стояли вне всякого контроля, вмешиваясь во все дела. Но эти времена, как известно, давно прошли, — подобная практика была осуждена парт. съездами и компетентными органами власти... Времена прошли, но страх перед этими органами у некоторой отсталой части населения остался. Этим-то и пользуются пляшкевичи, пытающиеся запугивать людей своими ссылками на какие-то таинственные органы, с которыми они возможно не связаны. Не выйдет. Сталинские пережитки уходят с каждым днем, — люди твердо знают свои права, ничего не боятся и ответят пляшкевичам полным голосом: «Карты на стол. Говорить прямо. Нечего запугивать, юлить, финтить и винтить».

*

**

Деятельность гр. Пляшкевича, явно направленная во вред Церкви, вызвала законное возмущение прихода. Народ заволновался, начали говорить: «Неужели же нет никакой управы на Пляшкевича. Да, кто он такой, этот Пляшкевич?». Прежде всего взгляды прихожан обратились к Митрополиту Пимену, как к лицу, который является главным помощником Патриарха по управлению Московской епархией, роль которого еще более повышается благодаря преклонному возрасту Патриарха. Беспокойство в приходе

перешло в настоящее волнение, в связи с намерениями снять с должности настоятеля храма. (Об этой попытке мы рассказывали в нашей статье «Слушая радио»). К Владыке Пимену в Новодевичий потянулись депутации, почта стала приносить ему слезные просьбы о помощи. Что же отвечал Владыка Митрополит?

Первый ответ:

Московская Патриархия.
Московск. Епархиальное
Управление

18 августа 1966 г.

№ 923

Москва Г-435

Новодевичий проезд, 1

ДАНИЛОВОЙ О. А.

Москва Ж-95. Добрынинская пл. 36, кв. 17

Московское Епархиальное Управление сообщает Вам резолюцию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Пимена, Митрополита Крутицкого и Коломенского на Ваше письмо: «Исполнение Вашей просьбы к сожалению от меня не зависит». М. Пимен, 18/08-66 г.

Секретарь митропол. Крутицк. и Коломенского
протоиерей Виктор Ипполитов.

Второй ответ:

Московская Патриархия.
Московск. Епархиальное
Управление

2 сентября 1966 г.

№ 974

Москва Г-435

Новодевичий проезд, 1

Гр. ПОПОВОЙ А. И.

Москва М-452. Котловская ул. д. 39, корп. 13, кв. 61

Московское Епархиальное Управление сообщает Вам резолюцию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Пимена, Митрополита Крутицкого и Коломенского на Вашем письме в защиту прот. Шпиллера В. Д.: «Вопросы перемещения духовенства в г. Москве от меня не зависят». М. Пимен, 2/09-66 г.

Секретарь Митрополита Крутиц. и Коломенск.
протоиерей Виктор Ипполитов.

Третий ответ:

Московская Патриархия.
Московск. Епархиальное
Управление

8 сентября 1966 г.

№ 997

Москва Г-435

Новодевичий проезд, 1

Членам двадцатки Николо-Кузнецкой Церкви г. Москвы.
(Александровой Нине Алексеевне, прож. Москва, ул.
Землячки, 25/27, кв. 5).

Московское Епархиальное Управление сообщает Вам резолюцию Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Пимена, Митрополита Крутицкого и Коломенского на Вашем прощении в защиту о. прот. Всеволода Шпиллер: «Читал. — Действия старосты мне не подведомственны». М. Пимен, 7/09-66 г.

Секретарь Митрополита Крутиц. и Коломен.
протоиерей Виктор Ипполитов.

(Передо мной лежат еще несколько таких же ответов за № 975, за № 996 и т. д.).

Как видно из этих документов, Владыка на все просьбы отвечает весьма лаконично: «От меня не зависит». «Не подведомственно». «Не имею права». Спрашивается, что же собственно от Владыки зависит и в чем выражаются его права? Разве в этом малом эпизоде не выражен тот паралич церковной власти, ее трусость, никчемность, полное отсутствие инициативы, те черты, которые являются трагедией Русской Церкви. Неприятно? Противно? Горько? Ничего, смотрите — это капля под микроскопом.

Так или иначе, народ вскоре убедился, что к церковной власти обращаться бессмысленно.

Тогда обратились к власти гражданской, — в Райисполком Кировского р-на г. Москвы.

Чего просят у Райисполкома прихожане Николо-Кузнецкой Церкви, которые в своем большинстве являются избирателями своего района? Золота? Серебра? Передачи в их ведение заводов, фабрик, домов, газет, журналов? Нет, они просят лишь дать им возможность созвать общее собрание, на котором они могли бы обсудить создавшееся в их приходе положение. Можно ли себе представить требование более законное, более умеренное,

наиболее соответствующее духу Конституции? Ведь согласно нашим законам, владельцем храма является община верующих; ей в безвозмездное пользование предоставляется храмовое имущество. Правда, иногда говорят, что 20 человек верующих, это и есть община. Но разве только эти 20 человек содержат храм, уплачивают налоги, собирают многотысячные средства, в которых нуждается приход?

Чтобы найти эти средства, нужны совместные усилия, систематическая помощь тысяч людей — вот они и являются подлинными хозяевами храма. И им надлежит сказать свое слово, когда речь идет о лице, подотчетном приходу; староста должен пользоваться доверием прихода, — иначе он не староста, а нивесть кем и нивесть зачем назначенный надсмотрщик.

Решив посвятить статью жизни прихода, мы заинтересовались не только аргументами противников деятельности Пляшкевича, но и его собственными аргументами, эту деятельность как бы оправдывающими.

Аргументы эти следующие: Пляшкевич уверяет, что когда он принял приходское хозяйство, в кассе отсутствовали средства и ремонт храма не был сделан. А сейчас делается промывка росписи храма, в кассе имеются определенные средства...

Мне эти аргументы не кажутся убедительными. Правда, **внутренний** ремонт храма действительно не производился в период с 1963 г. по 1966 г., но вовсе не по вине прежнего руководства общины, так как, начиная с 1963 г., исполнительный орган прихода подавал каждый год заявления на имя бывшего Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви Трушина — с просьбой разрешить ремонт и каждый раз эти заявления возвращались с резолюцией: «Несвоевременно». Отсутствие же средств в церковной кассе перед Новым годом — довольно обычное явление, так как к концу года подводятся итоги баланса и производятся все платежи. Поступления же средств происходят обычно весной, когда и делаются накопления средств, которые потом и расходуются на все нужды храма. Все эти поступления и расходы строго контролировались ревизионной комиссией ежемесячно.

Но вот уже год, в течение которого хозяйничает староста, такой контроль ревизионной комиссией почему-то не осуществляется. Староста Пляшкевич входит в острый конфликт с ревизионной комиссией, которая в знак протеста против незаконных действий старосты подает в отставку.

Кто может разрешить все эти споры? Кто, как не общеприходское собрание. Но гр. Пляшкевич и делает все, чтобы не допустить его.

Но тут вот что странно и в этой странности — гвоздь всего дела.

Секретарь Кировского Райисполкома Н. Г. Брызгова поддерживает твердой рукой Пляшкевича. Она совершенно игнорирует все заявления прихожан, которые обращаются с просьбами, мольбами, категорическими требованиями в Райисполком разрешить созыв приходского собрания, что требуется законом.

Вот обращение к Секретарю Кировского Райисполкома Брызговой прихожан от 9 сентября 1966 г., которое имеет 170 подписей, из них — 15 членов двадчатки. В ответ — гробовое молчание.

Те же прихожане 23 сентября обращаются **вторично** в тот же адрес и просят о том же повторно. В ответ — гробовое молчание...

Наконец, подается заявление с сорока четырьмя подписями, врученное Секретарю Райисполкома 18 октября того же года. Опять молчание.

Тогда на незаконные действия Брызговой 16 ноября 1966 г. направляется жалоба в адрес Прокурора г. Москвы т. Малькова, подписанная 40 прихожанами и 10-ью членами двадчатки.

К чести прокуратуры ответ последовал быстро. Приводим его полностью.

Прокуратура Союза ССР
Прокуратура гор. Москвы
М.Т.-66-1321

25 ноября 1966 г.
Новокузнецкая ул., 27.

В Совет по делам религиозных культов
при Совете Министров СССР.

Копия: г. Карповой М. В.

Москва, ул. Бахрушина, 17, кв. 4.

При этом направляется по принадлежности заявление членов двадчатки и прихожан Николо-Кузнецкого храма г. Москвы по вопросу якобы имеющего место препятствования со стороны Кировского Райисполкома в проведении общего собрания верующих.

О принятом решении прошу сообщить непосредственно заявителям.

Приложение: на 16 листах.

Прокурор отдела общего надзора: Вольский.
(В приложении к статье помещены копии других документов: заявления в Райисполком, две жалобы Прокурору и др.).

Несмотря на это категорическое указание, «якобы имеющее место препятствование со стороны Кировского Райисполкома» продолжается. Мало того, Райисполком попросту не обращает никакого внимания даже и на прокуратуру. Как видно из приведенного документа, прокуратура считает, что собрание прихожан **должно** быть создано; об этом извещен Совет по делам религиозных культов и Райисполком. И все-таки — никакого соборания. Почему, отчего такое явное пренебрежение к закону?

Все из желания сохранить Пляшкевича!

Зачем же нужно сохранять, навязывать его во что бы то ни стало верующим людям? Навязывать вопреки их желанию, вопреки закону, вопреки даже указанию прокурора. Для чего и кому нужен этот Пляшкевич?

Ответ ясен: при помощи пляшкевичей очень удобно расправляться с неугодными священнослужителями, проводить в жизнь все незаконные меры, направленные против церкви. При помощи пляшкевичей удобно закрывать храмы. При помощи пляшкевичей можно будет на будущем Соборе навязать Церкви неугодного ей кандидата в Патриархи. Там ведь пляшкевичи будут изображать из себя «представителей народа» и поднимать руки за бездеятельных и трусливых князей церкви, которые сейчас и прикрывают все их беззакония. Пляшкевичи, повидимому, могут понадобиться для очень многого тем, кто их поддерживает...

Вот кто эти пляшкевичи. Вот что о них можно думать, судя по их деятельности: вот что можно думать и о той странной поддержке, которой они пользуются как в описанном здесь случае. Но может быть даже и в этой поддержке кроется какое-нибудь недоразумение?

***

Мы всмотрелись в каплю, — отодвинем микроскоп. Постараемся разобраться, — что мы увидели? В живительной благодатной влаге — микробы: беззаконие, безличие церковной власти,

ее полная пассивность, циничный произвол случайных людей, проникших в церковь.

Это только капля. Но в ней наглядно и документально изображено положение всей Русской Церкви. Но не об этом ли свидетельствовали в свое время два московских священника — Якунин и Эшлиман?

Что надо сделать, чтобы сохранить влагу чистой, живоносной, утоляющей духовную жажду?

3 Прокипятить воду и покончить с микробами.

12—14 декабря 1966 г.

Постскриптум.

Статья была закончена, когда из Вишняковского переулка пришли новые сведения.

Не разрешив собрание прихожан Николо-Кузнецкой церкви, не ответив на заявление членов двадцатки, просивших о нем, Райисполком разрешил лично Пляшкевичу образовать «новую» двадцатку с тем, чтобы она «легализовала» его положение в этом борющемся за свои права приходе. Неизвестным приходу людям, к которым присоединилось всего пять прихожан, разрешили собраться в храме. И староста объявил их «новой двадцаткой». При чем об этом, с позволения сказать, «собрании», вопреки всем канонам Церкви, ни настоятель храма, ни Патриарх (как епархиальный архиерей) не были даже извещены.

Возмущенные прихожане обратились с протестом к Прокурору и в тот же Райисполком. Ответа пока не последовало.

Что можно сказать обо всем этом?

Только одно: мутить воду — особенность микробов. Но не слишком ли, однако, торопятся пляшкевичи и их покровители, столь нагло нарушающие советские законы и издающиеся над религиозными чувствами людей?

Не слишком ли опрометчиво забывают они, что народ — прихожане (они же и избиратели Кировского р-на) — подлинные хозяева прихода?

-8 И они еще скажут свое слово.

22 декабря 1966 г.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Копия.

СЕКРЕТАРЮ ИСПОЛКОМА КИРОВСКОГО РАЙСОВЕТА

Кожевническая, д. № 1.

Копия: Высокопреосвященнейшему Пимену

Митрополиту Крутицкому и Коломенскому.

Членов двадцатки и прихожан

Николо-Кузнецкого храма г. Москвы.

Вишняковский пер. д. 15.

З А Я В Л Е Н И Е

Мы, члены двадцатки и прихожане Николо-Кузнецкого храма, на основании §§ 12 и 13 «Постановления о религиозных объединениях», просим Вас разрешить нам провести общее собрание верующих нашего прихода на предмет переизбрания Исполнительного органа.

Мы вынуждены обратиться к Вам с этой просьбой ввиду следующих обстоятельств:

1. Церковный староста С. И. Пляшкевич не пользуется доверием ни членов двадцатки, ни всего прихода.

2. За все время пребывания в должности старосты, Пляшкевич не провел ни одного отчетно-выборного собрания двадцатки, несмотря на требования председателя ревизионной комиссии Стручковой и других членов двадцатки.

3. По вине Пляшкевича, Исполнительный орган нашей общины состоит только из двух человек: самого Пляшкевича и казначея Попова Я. П., который всецело находится под влиянием старосты.

4. Несмотря на протесты ревизионной комиссии и всей двадцатки, Пляшкевич самовольно поставил за свечной ящик лиц, совершенно неведомых приходу и не пользующихся нашим доверием.

5. Не имея на то права, Пляшкевич постоянно вмешивается в Богослужбную сторону церковной жизни, вызывая тем самым общее возмущение верующих. Так, например, 8-го июля с. г. в канун большого праздника он намеренно сорвал вечернее Богослужение. Тем самым староста совершил поступок, который, по статье 143 У.К. РСФСР, является уголовно наказуемым деянием.

6. Серьезное беспокойство верующих вызывает подчеркнуто враждебное отношение Пляшкевича к духовенству нашего храма и, в частности, к отцу настоятелю В. Шпиллер, который пользуется любовью и уважением всего прихода.

В оправдание своей незаконной деятельности, Пляшкевич многозначительно ссылается на «распоряжения вышестоящих органов».

В заключение, мы считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что староста Пляшкевич не пользуется доверием прихода и, вследствие этого, ему не может быть поручено ни ведение церковного хозяйства, ни внешнее церковное представительство.

9 сентября 1966 г.

Подписали: 3 члена ревиз. комиссии,
16 членов двадцатки,
170 подписей прихожан.

Копия.

СЕКРЕТАРЮ ИСПОЛКОМА КИРОВСКОГО РАЙСОВЕТА.

Копия: УПОЛНОМОЧЕННОМУ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

Митрополиту Крутицкому и Коломенскому ПИМЕНУ

От членов двадцатки и прихожан
Никола-Кузнецкого храма
г. Москвы, Вишняковский пер. д. 15.

З А Я В Л Е Н И Е

Уважаемый тов. Секретарь!

Мы, члены двадцатки и прихожане Никола-Кузнецкого храма, вынуждены обратиться к Вам со вторым заявлением в дополнение к нашему заявлению от 9 сентября 1966 г.

Мы — члены двадцатки и прихожане храма недоумеваем, по какой причине Вы не ответили на нашу законную мотивированную просьбу — дать нам разрешение на проведение общего собрания верующих нашего прихода на предмет переизбрания исполнительного органа. Дело в том, что далее нельзя откладывать переизбрание исполнительного органа. Положение в высшей степени в приходе напряженное и всякая отсрочка на переизбрание это напряжение усилит — вызовет волнения, что является всегда и для

всех нежелательным. Поэтому мы принуждены убедительно и настойчиво просить Вас об удовлетворении нашей просьбы, изложенной в представленном Вам заявлении.

24 сентября 1966 г.

Подписали: Члены Ревизионной комиссии.

Члены двадцатки.

Прихожане.

Копия.

ПРОКУРОРУ г. Москвы т. МАЛЬКОВУ.

Членов двадцатки и прихожан

Никола-Кузнецкого храма

г. Москвы (Вишняковский пер. 15).

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

На основании ст. ст. 3, 10, 11, 12, 13, 14 Положения о прокурорском надзоре в СССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г.), мы вынуждены обратиться к Вам с настоящей жалобой и просить Вас пресечь нарушение законности со стороны секретаря Кировского Исполкома Районного Совета Москвы.

Согласно ст. 12 закона от 8 апреля 1929 г. (С. У. № 35 ст. 353), общие собрания религиозных обществ и групп верующих происходят в городах с разрешения административного отдела. Практически в нашем Кировском р-не данным вопросом ведает секретарь Исполкома районного Совета депутатов трудящихся.

В соответствии с абзацем вторым названной статьи для разрешения собрания, религиозное общество подает письменное заявление с указанием вопросов, намеченных к обсуждению. Как это сказано в ст. 12, основанием для отказа в разрешении собрания является включение в повестку собрания вопросов, «выходящих из сферы деятельности религиозного объединения». Это указание отвечает содержанию закона от 8/IV-1929 г. и декрету СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ от 23/1-1918 г. об отделении церкви от государства.

Поскольку церковь отделена от государства и деятельность религиозных обществ в Советском Союзе разрешена и не стеснена в пределах прав и обязанностей, предоставленных им законом, постольку административная власть в лице местных органов рай-

онных советов не вправе чинить препятствия деятельности религиозных обществ, надлежаще зарегистрированных.

Ст. 13 того же закона от 8/IV-1929 г. предусматривает избрание религиозным объединением исполнительного органа в количестве трех человек. Совершенно очевидно, что этот исполнительный орган является ответственным перед религиозным объединением и может выполнять работу по управлению и пользованию культовым имуществом и внешне представлять религиозное объединение до тех пор, пока избранные в исполнительный орган граждане пользуются доверием членов объединения и надлежаще ведут работу на них возложенную.

Не менее неоспоримо, что решение вопроса оценки деятельности этого исполнительного органа, как органа объединения верующих, отделенного от государства, принадлежит только верующим и их объединению. В эту сферу оценки, выборов и проч. исполнительного органа не вправе вмешиваться представители гражданской власти, в частности, органы и представители районных советов. Подобное вмешательство означило бы нарушение закона об отделении церкви от государства, что уголовно наказуемо (ст. 142 Уголов. кодекса РСФСР 1960 г.).

Обращаясь к Вам с данной жалобой, мы руководствуемся также и Указом ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР от 18/III-1966 г., в котором указано, что под нарушением законодательства о религиозных культах понимается, в том числе, «нарушение установленных законодательством правил организации и проведения религиозных собраний».

9 сентября 1966 г. члены двадцатки, ревизионной комиссии и прихожане храма обратились с письменным заявлением к секретарю Исполкома Районного совета деп. труд. Кировского р-на Москвы о разрешении общего собрания верующих нашего прихода для переизбрания исполнительного органа, что является нашим законным и неотъемлемым правом и никто его не вправе нарушить.

Не получив ответа на заявление от 9/IX-1966 г., мы, 24 сентября направили новое заявление секретарю Исполкома Кировского район. совета деп. труд., но и на это заявление ответа не последовало. Для Вас, очевидно, что это молчание препятствует нам осуществить собрание и переизбрание исполнительного органа, а отсюда налицо явное нарушение закона и наших прав на переизбрание исполнительного органа.

Мы позволяем себе отметить также, что такого рода явная волокита в разрешении собрания (отказать секретарь Исполкома не вправе в силу ст. 12 закона от 8/IV-1929 г.) доказывает, что указания ЦК КПСС еще 1958 г. об обязанностях всех без исключения учреждений и должностных лиц отвечать на заявления им поданные, в данном случае не выполнены.

Просим также разъяснить секретарю Исполкома Кировского Райсовета неправильное понимание и истолкование ею вопроса о созыве общего собрания верующих. Постановление Арх. Соб. Р.П.Ц. от 18/VII-1961 г., на которое обычно ссылается она, не может являться какой-то доработкой ст. 13 закона от 8/IV-1929 г. Кроме того, в нем и вообще нет речи о созыве собрания только членов учредителей двадцатки. Наоборот, там ясно говорится о созыве «общеприходского собрания», перед которым, собственно, и несет всю «ответственность за свою деятельность» исполнительный орган.

Наше обращение к Вам вызвано не только нашей жизненной для объединения необходимостью переизбрать исполнительный орган, но и фактами явных злоупотреблений старосты церкви гр. Пляшкевича и казначея Попова. Между тем, в жизни и деятельности любого учреждения и организации злоупотребления нетерпимы с позиции советской законности. Мы уже не говорим, что исполнительный орган бесконтрольно распоряжается денежными средствами церкви.

На основании изложенного, мы просим Вас принять меры к соблюдению законности со стороны работников районного совета и безотлагательно разрешению нам общего собрания членов нашего церковного объединения.

О принятых мерах просим сообщить нам по адресу: Москва, ул. Бахрушина, д. 17, кв. 4, Карповой Матрене Васильевне.

Копии настоящей жалобы направлены:

1. Исполкому Московского Совета Депутатов Трудящихся.
2. Председателю Исполкома Кировского Райсовета г. Москвы.
3. Прокурору Кировского района.
4. Уполномоченному Совету по делам религий г. Москвы.

ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Заявление председателя ревизионной комиссии от 19-го августа 1966 г.
2. Заявление членов двадцатки от 9/IX-с. г.

3. Заявление членов двадцатки от 24/IX-с. г.
4. Заявление председателя ревизионной комиссии о снятии с себя обязанностей и выходе из состава двадцатки.
5. Заявление второго члена о выходе из ревизионной комиссии.
6. Заявление третьего члена о выходе из ревизионной комиссии.

16 ноября 1966 г.

Подписали: Члены двадцатки — 10 человек.

Прихожане — 40 человек.

Копия.

ПРОКУРАТУРА г. Москвы

Прокурору по общему надзору т. ВОЛЬСКОМУ.

Прихожан Николо-Кузнецкого храма
г. Москвы.

ЖАЛОБА В ПОРЯДКЕ НАДЗОРА

В дополнение к подписанной нами жалобе от 19/XI-1966 г. считаем необходимым поставить Вас в известность о новом факте нарушения закона секретарем Кировского Райсполкома.

Нами, прихожанами Николо-Кузнецкого храма, секретарю Райсполкома Н. Г. Брызговой были поданы заявления о том, чтобы нас зарегистрировали и включили в состав членов учредителей двадцатки нашего храма. При этом мы руководствовались Советским законодательством о культах, по которому «все местные жители соответствующего исповедания... имеют право подписать договор о получении в пользование здания и имущества культа и после передачи культового имущества*), приобретая таким образом право участия в управлении этим имуществом наравне с лицами первоначально подписавшими договор» (§ 31 Постановления о религиозных объединениях от 8/IV-1929 г.).

Между тем, 2/XII-с. г. Брызгова заявила нам устно, что все наши заявления передала старосте Пляшкевичу для того, чтобы он по своему усмотрению выбрал лиц для включения в двадцатку. И действительно, 15 декабря Пляшкевичем было собрано 16 сторонников, которые тут же были представлены Брызговой и утверждены как новый состав двадцатки. Такое действие Брызго-

*) Черный шрифт наш (прихожане).

вой, фактически способствующей подбору двадцатки, является полнейшим произволом.

Брызгова не вправе была передавать и наших заявлений на выбор старосте Пляшкевичу С. И. (смены которого мы требуем) потому, что права отвода из состава членов двадцатки ни ей самой, ни старосте не дано. Наоборот, § 3 Нормального договора обязывает к следующему: «Никто из нас и мы вместе не имеем права отказать (1) кому бы то ни было из граждан, принадлежащих к нашему вероисповеданию и неопороченных по суду, подписать позднее сего числа настоящий договор и принимать участие в управлении упомянутым в сем договоре имуществом на общих основаниях со всеми его подписавшими» (2).

Следовательно, только по двум основаниям может быть отказано гражданину в подписании договора:

1. Если он не соответствующего исповедания и
2. Если он опорочен по суду.

Во всяком же другом случае отказ в подписании договора противозаконен, так как советский гражданин может быть лишен представленных ему государством прав не иначе, как только в порядке законом предусмотренным. Правда, закон предоставляет регистрирующим органам права отвода отдельных лиц из состава членов исполнительного органа двадцатки после их избрания (§ 14 Постановления), однако, он ничего не говорит о праве отвода из состава членов двадцатки.

Регистрация лиц, представленных старостой, как членов двадцатки, и полное игнорирование наших заявлений — со стороны Брызговой — это нарушение законности. Не трудно предвидеть теперь и дальнейший ход событий. Воровским способом образованной двадцатке, и только двадцатке, Брызгова, наконец, даст разрешение на собрание, где будут доизбраны члены новой ревизионной комиссии взамен ушедших в знак протеста. Таким образом будет узаконено вопиющее беззаконие.

Формальным подбором хотя бы и 16-ти сторонников старосты нельзя разрешить назревшего конфликта в нашем приходе. Здесь должна высказаться вся община, и Советское законодательство дает нам на это право.

(1) Черный шрифт наш (прихожане).

(2) Закон о религиозных объединениях РСФСР. Москва. 1930 г. стр. 46.

Согласно разъяснению § 11 Организации церковных и религиозных обществ, «право управления церковным имуществом потенциально принадлежит всем местным жителям соответствующей (1) религии, так как каждый имеет право подписать договор».

«В соответствии с этим... общим собранием группы верующих являются все местные жители, пользующиеся данным храмом, а не одна двадцатка».

Давно истек месячный срок со дня подачи подписанных нами заявлений (с 30 октября 1966 г.). В этот срок, согласно ст. 7 закона от 8/IV-1920 г., Брызгова обязана была зарегистрировать нас, как членов двадцатки, или сообщить нам мотивированный отказ. Но этого ею до сих пор не сделано.

Как бы в обличение незаконных действий Брызговой, вот уже около 4-х месяцев не разрешающей нам общего собрания (хотя инструкция НКВД РСФСР от 1/X-1929 г. за № 328 обязывает ее это сделать в 7-ми дневный срок), гласит § 13 циркуляра НКЮ от 3/1-1919 г. — Некоторыми представителями власти на местах, — говорится в нем, — запрещаются вообще какие либо собрания граждан... посвященные выяснению хозяйственных или вероисповедных нужд. Такие... запрещения, если они не вызываются условиями... конкретной опасности (в контр-революционном отношении), являются незаконными» (2).

Вопреки столь ясным положениям закона, ни Брызговой, ни Советом по делам религий (последним даже не взирая на Ваше отношение от 25/XI-1966 г. за № Т-66-13-21) до сих пор не сделано ровным счетом ничего, чтобы разрешить нам общее собрание, для переизбрания исполнительного органа.

Спрашивается, до каких же пор наша община верующих будет лишена возможности осуществления прав предоставленных ей законом?

Мы уверены, что прокуратура г. Москвы, на основании Положения о прокурорском надзоре 1955 г., даст указание Кировскому Райисполкому о немедленной регистрации нас в качестве членов двадцатки и разрешения общего собрания верующих в ближайшее время.

О принятых Вами мерах по нашей жалобе просим сообщить по адресу: Москва. Добрынинская пл., д. 36, кв. 17, Даниловой О. А.

(2) Черный шрифт наш. Проф. Гулянов. Отделение церкви от Государства. Москва. 1924 г., стр. 60.

Копии: 1. В Совет по делам религий.

2. Председателю Райисполкома Кировского р-на.

3. Прокурору Кировского р-на.

Подписи прихожан, подавших заявления о вступлении в двадцатку — 20.

15 декабря 1966 г.

Копия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР т. КУРОЕДОВУ В. А.

От прокурора Отдела общего надзора Прокуратуры г. Москвы, нами, членами двадцатки и прихожанами Николо-Кузнецкой Церкви, получена копия отношения, направленного Вам для принятия мер на предмет созыва общего собрания прихожан нашего храма.

В связи с этим считаем необходимым обратить Ваше внимание на создавшееся тяжелое положение в нашем храме.

Прежде всего у нас нет ревизионной комиссии, ее члены сочли своим нравственным долгом сложить свои полномочия по причине самоуправства старосты Пляшкевича. Его вызывающим поведением были созданы такие условия, при которых ревизионной комиссии невозможно было выполнять какие-либо ревизионные функции. Короче, — вся хозяйственная деятельность в храме остается без какого-либо контроля. Полагаем, Вы согласитесь с ненормальностью такого положения, и потому надеемся, даже больше, настаиваем на принятии Вами решительных мер в отношении срочного созыва общего собрания прихожан нашего храма.

Считаем необходимым заявить Вам еще и о том, что всякая попытка сохранить старосту Пляшкевича и казначея Попова (к чему, собственно, и сводилась в отношении нашего храма деятельность секретаря Кировского Райисполкома Н. Г. Брызговой), ни к чему положительному не приведет, поскольку последние не только потеряли уважение и доверие среди членов общины, но даже вызывают законное негодование.

Для разрешения назревшего конфликта и устранения беззакония, мы просим Вас срочно согласовать с Кировским Райисполкомом вопрос о созыве именно общего собрания прихожан нашего храма, так как иное решение данного вопроса знаменовало бы нарушение ст. 13 закона от 8 апреля 1929 г.

Смеем надеяться, что Вы, как Председатель Совета по делам религий, не можете не уважать прав верующих, как равно, не можете и не стать на страже Советских законов, регулирующих жизнь церковных общин в условиях отделения Церкви от Государства.

Выражаем надежду на получение ответа.

Извещение по настоящему письму просим направить по адресу: Москва, ул. Бахрушина, дом № 17, кв. 4, Карповой М. В.

Члены Ревизионной Комиссии:

(Вышли в знак протеста)

Члены двадцатки и прихожане — 53 подписи.

8/ХП-1966 г.

БЕДСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ И РОЛЬ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ

(ИЗ ОТКРЫТОГО ПИСЬМА БОРИСА ТАЛАНТОВА
ОТ 10 НОЯБРЯ 1966 ГОДА)

Вопрос: В печати Западной Европы писали и пишут, причем часто в виде неполной информации, относительно отношений между Церковью и правительством Советского Союза. Можете ли Вы сказать нам, каково в настоящее время положение Православной Церкви в Советском Союзе?

Ответ: Положение Русской Православной Церкви было и остается совершенно нормальным. Вопросы отношения Церкви и государства разрешаются с помощью Совета по делам религии при Совете Министров СССР.

Русская Православная Церковь с благодатной помощью Божией спокойно и уверенно осуществляет свою спасительную миссию.

Алексий, Патриарх Московский и Всея Руси,
14 марта 1966 года, г. Москва.

(из ответов Патриарха Московского и всея Руси Алексия, на вопросы корреспондента итальянского издательства «Эдитори риунити» К.-М. Гарруба. «Журнал Московской Патриархии», № 4, 1966 г.).

1. — МАССОВОЕ ЗАКРЫТИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВРЕМЯ АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ КАМПАНИИ 1959—1964 гг.

Как известно, антирелигиозная кампания 1959—1964 гг. была направлена прежде всего на массовое закрытие церковных общин и ликвидацию церквей (молитвенных домов). Эта задача осуществлялась Советом по делам РПЦ (Советом по делам религии) и его уполномоченными на местах, при содействии местных властей.

В Кировской области закрытие церквей обычно производилось так. Областной уполномоченный Совета по делам РПЦ (Рус-

ской Православной Церкви) по своему произволу снимал с регистрации или переводил в другое место священника церкви, назначенной к закрытию. Затем он в течение 6—11 месяцев отказывался регистрировать в эту церковь священником кого-либо из предлагаемых кандидатов. Когда представители церковной общины спрашивали его, почему он отказывается регистрировать предлагаемых кандидатов, то уполномоченный резко говорил: «Я не буду вам давать отчета в своих действиях». Иногда он просто говорил верующим: «Не ходите, не просите и не уговаривайте. Я никого не регистрирую». Нередко бывало и так, что уполномоченный без всяких слов выгонял верующих из своего кабинета. За время с 1960 по 1963 г. областные уполномоченные Совета по Кировской обл. (Смирнов, Медведев, Ляпин) из 80 священников, служивших в 1959 г., 21 священника сняли с регистрации по своему произволу и никого не регистрировали вновь.

Пока церковь оставалась без священника, местные органы власти, посредством запугивания, старались принудить выйти из двадцатки нескольких членов, и это объявлялось распадом церковной общины. В то же время облизполком выносил постановление о закрытии церкви и передаче здания местному колхозу или горсовету. Это постановление, в нарушение существующего законодательства, не объявлялось церковной общине, а посылалось в Совет по делам РПЦ. Последний, несмотря на протесты верующих, снимал с регистрации церковную общину и церковное здание передавал «под клуб» местному колхозу. Такое оформление закрытия церкви было вопиющим беззаконием, так как Совету по делам РПЦ из письменных жалоб верующих и от ходяков было хорошо известно, что церковная община не «распалась», что уполномоченный Совета отказывается регистрировать кого-либо священником в закрываемую церковь, и что церковное здание не требуется колхозу. Поэтому постановление о снятии с регистрации церковной общины и передаче церковного здания колхозу или горсовету не объявляли верующим. Верующие многих закрытых церковных общин в течение нескольких лет добивались того, чтобы им было показано это постановление, но они ничего не добились. Очевидно эти постановления держатся в строжайшем секрете потому, что они представляют собою вопиющее беззаконие.

Сама ликвидация молитвенного здания принимала форму грубого насилия. Она производилась под охраной милиции и дружинников, часто в ночное время. Верующие в храм не допускались.

Материальные ценности изымались без всякой описи. В Кировской области ликвидация молитвенных зданий всегда сопровождалась варварским разрушением интерьеров, сжиганием икон и утвари и хищением материальных ценностей.

После разгрома церкви верующие обычно в течение долгого времени посылали в центральные органы советской власти, Совет по делам РПЦ, Московскую патриархию и в центральные органы печати многочисленные протесты и жалобы, с требованием восстановить церковную общину и возратить церковное здание.

В ответ на эти жалобы верующие-активисты, как организаторы жалоб, подвергались репрессиям: штрафу, разному, судебным и административным преследованиям.

До настоящего времени эти жалобы не имели успеха; ни одна закрытая церковь не была восстановлена.

Приведем несколько типичных примеров, основанных на документальных данных.

***

ПРИМЕР 1-й. ЗАКРЫТИЕ И РАЗРУШЕНИЕ ЦЕРКВИ В СЕЛЕ РОИ АРБАЖСКОГО Р-НА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В глухом месте, вдали от железной дороги и тракта, расположено маленькое село Рои, в котором была деревянная Александро-Невская церковь, построенная в 1888 г. Церковная община с. Рои была зарегистрирована в 1956 г. в законном порядке, имела необходимое число членов и церковный совет. Деятельность общины протекала в рамках советских законов. **Община имела достаточный доход для содержания церкви и причта.**

Однако, в 1960 г. руководители местного колхоза и сельсовета решили закрыть церковь села Рои. Для этой цели они сначала стали нажимать на местного священника Н. Шелчкова.

Так, в ночь на 12 сентября 1960 г. (накануне храмового праздника) они вызвали его в сельсовет. Там были: пред. сельсовета Журавлев, пред. колхоза П. П. Суслов и секретарь парторганизации И. Н. Злобин. Они угрожали ему расправой, если он останется в с. Рои. Потом они пошли в церковную сторожку, где по случаю храмового праздника ночевало несколько старушек. Начальники ночью выгнали на улицу всех старушек, не дав им даже обуться. Одна старушка, которая потеряла на войне мужа и сына, вынуждена была провести эту холодную осеннюю ночь на улице.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Кировской области, со своей стороны, принял все меры к закрытию церкви. Так священник Н. Щелчков обратился к нему с просьбой: разрешить ремонт печи в церкви. На заявлении священника Смирнов написал: «Секретарю райисполкома. Не разрешайте ремонта печи».

(Следует заметить, что с начала 1960 г. церковным советам запрещено производить текущий ремонт церковных зданий без разрешения уполномоченного Совета. Несколько церквей Кировской обл. было закрыто только из-за того, что церковные советы перестали пол в сторожках этих церквей. Таким образом, церковная община не может пользоваться своими деньгами для удовлетворения своих религиозных потребностей. Вот до какой степени была урезана в 1960 г. свобода совести!)

Из резолюции Смирнова стало сразу ясно, что он решил закрыть церковь в с. Рои.

Вскоре после этого свящ. Н. Щелчков получил анонимное письмо, в котором ему угрожали самосудом, если он не уедет из села. Под давлением этих угроз он покинул село.

Можно подумать, что это анонимное письмо не является еще большой угрозой. Но факты говорят о другом.

Так, в июле 1959 г. в с. Быстрица Оричевского р-на Кировской обл. местный священник Константин Гулин был приглашен в один дом причастить умирающую старушку. Его приход в этот дом заметил один местный пьяница-хулиган. Он вошел в дом, схватил одной рукой священника за бороду, а другой стал бить его по голове, приговаривая: «Убью тебя». Только присутствующие помогли священнику освободиться от пьяного хулигана и скрыться на чердаке дома. Тогда пьяный дебошир выбил в доме стекла и изломал всю мебель. Когда сельсовет узнал об этом, то вызвал священника К. Гулина и совершил над ним очередной разнос за то, что он ходит по домам верующих. Хулигану же сельсовет не сказал ни слова. Следует заметить для ясности, что К. Гулин — инвалид Отечественной войны, имеющий высокие воинские награды. Таких примеров можно привести очень много.

Выжив из села свящ. Н. Щелчкова, правление колхоза послало в три деревни агитаторов, которые возглавляли собрания.

Агитаторы предлагали закрыть церковь, но большинство собравшихся возражало против этого, а в протоколах собраний было написано, что верующие единогласно отказываются от церкви. Протоколы были утверждены пред. сельсовета Журавлевым, несмотря на протесты верующих.

На основании этих ложных протоколов, Совет по делам РПЦ по ходатайству Кировского облисполкома вынес постановление о закрытии церкви и передаче церковного здания колхозу для клуба, хотя в с. Рои был новый клуб.

Неожиданно 21 декабря 1960 г. в с. Рои прибыл секретарь райисполкома Бабинцев с другими работниками. Они вызвали старосту, 80-летнюю старушку, объявили ей устно о закрытии церкви и потребовали ключи. При этом ей угрожали конфискацией дома, если она откажется дать ключи. Овладев ключами, они вошли в церковь и здесь, запершись изнутри, сначала выпили 10 бутылок церковного вина и закусили кутьей, принесенной на панихиду.

Разгром церкви производили пьяные механизаторы колхоза. Пред. колхоза П. П. Суслов заказал для них пельмени с выпивкой и платил им из колхозной кассы по 5 р. за час.

При снятии крестов с церкви П. П. Суслов всячески оскорблял верующих, которые стояли вдали и плакали. Все иконы, уварь, колокола и другие материальные ценности были вывезены из церкви без описи и потом бесследно исчезли.

Через пять дней после этого (26 декабря 1960 г.) верующие подали жалобу на имя Л. И. Брежнева и вторую жалобу на имя Н. С. Хрущева. Жалобы подписали 380 верующих. В ответ на эти жалобы райпрокурор стал вызывать в район активистов-верующих и угрожать им различными репрессиями. Так, члена двадцатки, Токапеву Наталью Яковлевну, он вызывал в Арбаш за 18 км пять раз в течение полумесяца и угрожал ей тюрьмой. «Если бы это было в 36-м году, — сказал он ей, — то тебя бы увезли на черном вороне».

Возмущенная этими издевательствами, она подала 23-1-1961 года жалобу от себя лично Генеральному прокурору СССР, а верующие 29-1-1961 жалобу на имя Н. С. Хрущева, которую подписали те же 380 верующих.

В ответ на эти жалобы, в начале марта верующие получили от уполномоченного Совета по Кировской обл., Д. Л. Медведева, следующее сообщение:

«Село Рои Арбашского р-на т. Метелевой О. С.

«Сообщаем, что Ваши заявления, посланные на имя Н. С. Хрущева и Генерального прокурора СССР, получены.

«Разъясняем Вам, что Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР не находит оснований для пересмотра своего решения по вашему вопросу.

«Уполномоченный Совета по Кировской обл. Д. Медведев».

Желая на месте добиться восстановления своих прав, **7 марта 1961 г.** верующие с. Рои, собравшись в количестве 500 человек, организовано пришли в районный центр с. Арбаж. Здесь они просили секретаря райисполкома Бабинцева провести официальное общее собрание для решения вопроса о восстановлении церковной общины с. Рои. Бабинцев направил их к первому секретарю райкома т. Видякину. Последний обещал им устроить такое собрание в с. Рои 9 марта и прислать на собрание инструктора райкома т. Семеновых и секретаря райисполкома Бабинцева.

9 марта верующие снова собрались в с. Рои. Вместо Семеновых и Бабинцева из Арбажа прибыл начальник милиции т. Зайцев. Верующие доказывали Зайцеву ложность протоколов, на основании которых была закрыта церковь, и требовали ее открыть. Зайцев согласился с доводами о ложности протоколов, но в отношении открытия церкви сказал: «Я не закрывал, я и не открою».

Поэтому **14 марта 1961 г.** верующие подали третью жалобу на имя Н. С. Хрущева, а также письмо в газ. «Известия», в котором они просили послать корреспондента, чтобы убедиться в вопиющем беззаконии, посредством которого была закрыта церковь.

Вскоре после этого райсуд приговорил Н. Я. Токареву, как организатора верующих, к шести месяцам принудительных работ.

Возмущенные организованным административным нажимом, около 400 верующих собрались 25 апреля 1961 г. в село Рои и потребовали от руководства колхоза возратить им церковь, иконы и утварь. Местные власти вызвали из с. Арбажа милицию и дружинников и к вечеру разогнали силой собравшихся. При этом разгне пострадали следующие лица: 1) безногий инвалид Отечественной войны И. Петелин; 2) одна женщина из села Чекуши, ей повредили ногу; 3) Е. К. Посаженикова, ее таскали по земле за руки; 4) М. Шарова, ее беременную пинали в живот; 5) Н. Г. Махина; 6) Е. М. Халявина из гор. Кирова, случайно попавшая в с. Рои; ее били, арестовали и осудили на один год тюремного заключения. На многих верующих был наложен административный штраф. В этом избиении принимали активное участие: 1) районный следователь Жданов; 2) участковый милиционер Смердов;

3) пред. сельсовета Журавлев; 4) бригадир Краев; 5) кладовщик Стародубцев; 6) зам. пред. колхоза Н. М. Злобин; 7) животновод колхоза, 8) механик ремонтной мастерской С. Ф. Махнов.

Вскоре после этого руководство колхоза разрушило до основания деревянную Александро-Невскую церковь и тем показало, что требование отдать церковь под колхозный клуб было лишь благовидным предлогом для закрытия церкви.

В. А. Куроедов в своем интервью утверждает (газ. «Известия» 30 авг. 1966 г.): «Если деятельность той или иной организации протекает в рамках советских законов, она может существовать до тех пор, пока верующие сами не отойдут от нее».

Из изложенного ясно, что деятельность церковной общины села Рои протекала в рамках советских законов и верующие не отходили от нее, однако, она по решению В. А. Куроедова была ликвидирована и затем разогнана силой местными властями.

Следует заметить, что народные волнения в результате насильственного закрытия церквей в Кировской обл. были не в одном только селе Рои. Большое волнение произошло в с. Пищалье Оричевского р-на 22 октября того же 1961 г. Здесь организатор верующих, А. Г. Долгих, была приговорена народным судом к 2 годам лишения свободы (см. местную газ. «Путь к коммунизму» 14 января 1962 г.).

Судебно-административные репрессии к верующим-активистам применялись во всех закрытых церковных общинах Кировской обл.

Зачастую «героями» закрытия и варварского разрушения церквей Кировской области являлись невежественные, безответные и морально разложившиеся люди. Характерным в этом отношении является закрытие и разрушение церкви в с. Васильково Советского р-на, соседнем с селом Рои. Там на высоком берегу р. Вятки красовалась каменная Казанско-Богородская церковь, построенная в 1798 г.

Колхозом «Красный Октябрь», на территории которого расположено с. Васильково, управлял тогда Аркадий Васильевич Гребнев. За время своего недолгого управления колхозом он построил себе в с. Васильково богатый особняк с многими надворными постройками. Управлял он колхозом как самодур помещик, беспросыпу пьянствовал по многу дней в любое время года и вел безнравственный образ жизни.

О его самодурстве свидетельствует, например, такой факт. Однажды он пришел в магазин и видит, колхозники-пенсионеры стоят в очереди за хлебом. Дико посмотрел он на них и потом скомандовал продавщице: «Этим дармоедам не продавай хлеба».

Желая выслужиться перед областным начальством, которое тогда проводило кампанию закрытия церквей, А. В. Гребнев стал хлопотать о закрытии Казанско-Богородской церкви и передаче ее для колхозного дома культуры.

В. А. Куроедов, несмотря на протесты церковной общины, церковь передал колхозу. Воспользовавшись этим, А. В. Гребнев в августе 1962 г. ее варварски разгромил и присвоил себе часть церковного имущества.

Никакого колхозного дома культуры, конечно, из Казанско-Богородской церкви не было устроено. Теперь она представляет собою обезображенный остов здания.

**

ПРИМЕР 2-й. ЗАКРЫТИЕ И РАЗГРОМ ЦЕРКВИ В СЕЛЕ КОРШИК ОРИЧЕВСКОГО Р-НА КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вдали от городов, на большом тракте стоит большая каменная Зосимо-Савватиевская церковь, построенная в 1777 г.

На территории Кировской обл. (площадь области в 3 раза больше площади Голландии, а плотность населения в 20 раз ниже плотности населения в Голландии) в дореволюционное время было более 500 церквей, из них больше сотни церквей, построенных в XVIII столетии. **В результате великого разрушения 30-х годов от этого множества церквей полностью уцелело только семь церквей XVIII столетия.**

В числе полностью уцелевших была и Зосимо-Савватиевская церковь села Коршик. Она не была закрыта при И. Сталине. По красоте, величию, живописи, художественной отделке резных иконостасов эта церковь была самым лучшим (из оставшихся) памятником церковного зодчества XVIII ст. на территории Кировской области.

Двадцатка и церковный совет религиозной общины с. Коршик были зарегистрированы и имели необходимое число членов. **Церковная община содержала Зосимо-Савватиевскую церковь в образцовом порядке; церковь была украшением местного ландшафта.** Церковный совет во-время платил все обязательные и не-обязательные платежи: страховку, в фонд мира, в Патриархию.

Доход церкви был большой. Церковный совет также выполнял точно и беспрекословно все распоряжения духовных и гражданских властей. **Короче говоря, деятельность церковного совета протекала в рамках советских законов. Но все это не спасло церковную общину от закрытия, а Зосимо-Савватиевскую церковь, самый лучший памятник архитектуры XVIII ст., от разрушения.**

Оричевские местные власти с начала 1960 г. энергично принялись закрывать и разрушать церкви, находящиеся в Оричевском районе. Применяя грубое насилие, они быстро закрыли церкви в селах: Монастырщина, Пищалье, Илгань, Адышево. При закрытии церковью производилось варварское разрушение интерьеров и сжигались иконы, иконостасы, старинные богослужебные книги, утварь, а другие материальные ценности расхищались. **Стихия варварского разрушения не пощадила и Зосимо-Савватиевскую церковь села Коршик.**

9 октября 1961 г. обл. упол. Совета по делам РПЦ по Кировской обл., Д. Л. Медведев, без всяких оснований снял с регистрации свящ. церкви Д. Л. Ложкина, а на другой день председатель сельсовета Сергей Степанович Пономарев, один из главных героев этой истории, взял 5 800 р. (в современном исчислении) церковных денег и церковь запер на свой замок, несмотря на протест церковного совета официально существующей церковной общины.

После этого, в течение 4-х месяцев многократно члены церковного совета ездили за 55 кил. в гор. Киров к уполномоченному Д. Л. Медведеву и просили его зарегистрировать в церковь священника. Было предложено много кандидатов для регистрации. В частности, церковный совет предлагал зарегистрировать старого священника В. К. Сергиева, который жил в с. Коршик. **Но Д. Л. Медведев без всяких объяснений отказался зарегистрировать кого-либо из предлагаемых кандидатов и обращался по хамски с представителями верующих.** Ясно, что Д. Л. Медведев, совершая произвол, тянул время, чтобы незаконно закрыть и разрушить церковь.

Из всех уполномоченных Совета Д. Л. Медведев больше всех закрыл церквей в Кировской области. На посту уполномоченного Совета он произвол довел до хулиганства: показывал старым верующим кукиш, называл их дураками, оскорблял их нецензурными словами и, наконец, просто выгонял из кабинета, не дав им сказать ни слова. Про него говорили: «Д. Л. Медведев в своем кабинете рычит на верующих, как медведь в берлоге».

Убедившись в нетерпимом произволе Д. Л. Медведева, церковная община с. Коршик с января по сентябрь 1962 г. пять раз посылала в Москву в Совет по делам РПЦ своих представителей с жалобами на произвол Д. Л. Медведева и просьбой зарегистрировать священника. В конце сентября 1962 г. в Совете были: член двадцатки Агафья Михайловна Корчемкина и верующая Татьяна Ивановна Петухова. Чиновник Совета им сказал: **«Не беспокойтесь, ваша церковь не закрыта и не будет закрыта, как памятник архитектуры. Подождите несколько месяцев и вам зарегистрируют священника, снимут замок и возвратят деньги».**

После такого заверения церковный совет и верующие с. Коршик с надеждой ожидали регистрации священника. Еще в начале марта 1963 г. новый уполномоченный Совета, И. Д. Ляпин, обещал в ближайшем будущем зарегистрировать священника.

Но скоро обнаружилось, что эти заверения и обещания представляли собою обман.

21 марта 1963 г. в село Коршик прибыла бригада рабочих во главе с представителями Оричевского райисполкома и председателем сельсовета С. С. Пономаревым. Они сначала выпили все церковное вино. Подкрепившись вином, они начали срывать иконы, топорами рубить высоко-художественные резные иконостасы, молотами разбивать дорогие паникадила и другую церковную утварь. Все иконы, иконостасы из двух приделов теплой церкви, хоругви и все старинные служебные книги были сожжены. Резной иконостас в холодной церкви был низвержен на пол и лежал здесь еще до 1966 г. Ризы, полотна, мука, свечи, масло и другие материальные ценности просто были расхищены. В частности, пред. сельсовета С. С. Пономареву досталась зеленая краска и олифа, которые были заготовлены церковным советом для покраски крыши церкви. Чувствуя полную безнаказанность, С. С. Пономарев этой краской выкрасил свой собственный дом внутри и снаружи, так что хищение неопровержимо видно и в настоящее время. Ему же досталась церковная мука и многое другое. 27 сентября 1963 г. он вместе с директором маслозавода спилил наружные кресты.

Далее, под видом приспособления церкви под клуб, продолжалось дальнейшее разрушение памятника архитектуры. Были сломаны печи, выпилены оконные решетки, сделаны наружные проемы в стенах и т. д. Получился не клуб, а обезображенный вертеп. Чтобы церковное здание преобразовать в современный клуб, нужно затратить средств по крайней мере в два раза больше, чем на постройку нового клуба.

Разгром Зосимо-Савватиевской церкви является актом дикого вандализма.

В газ. «Известия» в апреле и августе 1962 г. были напечатаны статьи, призывающие к охране памятников церковного зодчества и наказанию тех, кто занимается бесцельным разрушением этих памятников. В ответ на эти статьи в феврале 1963 г. в адрес газеты «Известия» я направил большое письмо «О массовых разрушениях памятников церковного зодчества в Кировской обл.». В этом письме я сначала кратко перечислил важнейшие памятники культуры Кировской обл., бесцельно разрушенные в 30-х годах, и затем сообщил о памятниках, варварски разрушенных в 1960—1963 гг. На основании бесспорных фактов я показал преступно пренебрежительное отношение местных властей к памятникам старины и культуры. Я просил правительственную газету вмешаться и немедленно положить конец стихии разрушения и спасти то немногое, что оставалось еще в Кировской области. Для охраны и восстановления памятников церковного зодчества я предлагал привлечь верующих, которые только одни и способны без всяких государственных ассигнований привести всех рамы, старинные иконы и другие предметы старинной культуры в образцовый порядок.

Через 2 года после моего письма, в газ. «Комсомольская правда» от 4 июня 1965 года была напечатана статья В. Пескова «Отечество», в которой автор призывал к созданию добровольных обществ по охране памятников истории и культуры. Такие общества скоро и были организованы. Но, как в статье В. Пескова, так и при организации обществ намеренно игнорируется тот несомненный факт, что без привлечения верующих невозможно сохранить и тем более восстановить памятники церковного зодчества. Наивно думать, что те, которых до сих пор учили разрушать «очаги мракобесия», теперь будут добросовестно восстанавливать церковные здания. Как показывают факты, Кировское общество по охране памятников истории и культуры скорее препятствует охране и восстановлению этих памятников. Поэтому мое письмо является актуальным и в настоящее время.

Мое письмо было получено редакцией газеты 20 ноября 1963 года, а Зосимо-Савватиевскую церковь разгромили 21 марта 1963 года. Летом и осенью 1963 г. варварскому разрушению подверглись и другие замечательные памятники церковного зодчества 18 и 19 столетий.

Заслуживает особого внимания факт разгрома каменной Васильевской церкви с. Байса Уржумского р-на, построенной в 1865 году. По архитектурной форме церковь эта — замечательный памятник XIX столетия.

5 января 1963 г. уполномоченный Совета по Кировской обл. И. Д. Ляпин прибыл в церковь села Байса с недобрым намерением. Записи треб производил алтарник Н. Н. Каменских, который дважды отставил церковь от закрытия. Осенью 1962 г. его вызвали на призывной пункт в г. Котельнич. Во время его отсутствия эти записи производил единственный священник церкви П. И. Марамзин, так как члены церковного совета малограмотны. К этому «преступлению» и придрался И. Д. Ляпин. Он лишил священника регистрации на 5 месяцев, в силу чего и богослужение должно было прекратиться с 5 января по 5 июня. На произвол И. Д. Ляпина церковный совет направил на имя Н. С. Хрущева жалобу 20 января 1963 года. Жалоба осталась без ответа.

В конце июня священник П. И. Марамзин просил И. Д. Ляпина возвратить регистрацию и разрешить богослужение. Но последний без всяких объяснений отказался выдать регистрацию. Однако, верующие надеялись, что И. Д. Ляпин возвратит регистрацию священнику и скоро возобновится богослужение.

25 июля 1963 г. староста и сторож церкви сидели в церковной сторожке и пили спокойно чай. Вдруг в сторожку входят представители Уржумского райисполкома и несколько милиционеров. Они опрокинули стол со всеми чайными приборами на пол и бесцеремонно выгнали старосту и сторожа из церковной сторожки. Потом, выпив церковное вино, приступили к варварскому разрушению интерьера. Книги и иконы сожгли, а материальные ценности увезли.

Всего в 1963 г. было разгромлено в Кировской области 9 церквей. Таким образом призыв, обращенный к редакции газеты «Известия» вмешаться, положить конец стихии разрушения, к несчастью не возымел действия.

Верующие с. Коршик не смирились перед насилием. В 1963 г. они подали 4 жалобы на имя Н. С. Хрущева, которые были подписаны сотнями верующих. Во всех жалобах ответный адрес был указан на имя члена двадцатки Агафьи Михайловны Корчемкиной.

После первой жалобы, 20 августа 1963 г., в дом А. М. Корчемкиной пришли два служащих Оричевского райисполкома и угрожали ей тюрьмой, если она организует еще раз подобную жалобу.

После четвертой жалобы, 10 декабря 1963 г., в с. Коршик в контору совхоза были насильно свезены: А. М. Корчемкина, К. И. Лобастова, Е. И. Шенникова, А. Ф. Исупова и М. И. Фетищева. Все они — члены двадцатки. А. Ф. Исупова — колхозница, а остальные — колхозницы-пенсионерки. Каждую заперли в особую комнату и потом вызывали для допроса поодиночке. Каждая вызывалась на допрос несколько раз и эта психическая пытка продолжалась с утра и до поздней ночи. Каждую осыпали нецензурной бранью, угрожая посадить в тюрьму на 8 лет, если запрашиваемая посмеет еще раз подать жалобу в центр. Допрос производили: Оричевский райпрокурор Анохин, член райкома Е. С. Клеватых, секретарь райисполкома Н. А. Зырянова и пред. сельсовета С. С. Пономарев. Особенно сильно буйствовал райпрокурор Анохин.

*

**

Анохин в 1961 г. подверг дикому разному и матершине трех членов церковного совета соседнего села Илгани. В результате этого разнуса один тяжело заболел и поэтому другой член совета, И. А. Андреевых, подал на Анохина жалобу Прокурору РСФСР и письмо в газ. «Известия». Прокурор РСФСР переслал жалобу в Кировскую облпрокуратуру, а последняя прикрыла хулиганский поступок Анохина. Интересно письмо И. А. Андреевых в газ. «Известия» от 30 сентября 1961 г. Он писал: «Если это письмо останется без ответа, как многие другие подобные письма, то верующие христиане вынуждены будут с горечью в сердце признать, что в СССР христиане — бесправные люди, лишенные защиты со стороны советских законов».

Спустя месяц И. А. Андреевых от редакции газ. «Известия» получил сообщение: «Ваше письмо отправлено в Совет по делам РПЦ». Но И. А. Андреевых жаловался на прокурора Анохина и на Совет по делам РПЦ, и просил послать своего корреспондента, чтобы убедиться в произволе Совета по делам РПЦ и его уполномоченных. Из Совета по делам РПЦ это письмо поступило к уполномоченному Д. Л. Медведеву, который угрожал И. А. Ан-

древых тюрьмой. Круг замкнулся. Жалоба поступила тому, на кого жаловались. Ясно, что при таком отношении к жалобам люди, подобные Анохину или Д. Л. Медведеву, совершенно убеждены в своей безнаказанности.

После этой психической пытки А. М. Корчемкина в течение шести месяцев тяжело болела нервным расстройством и навсегда осталась инвалидом.

А. М. Корчемкина — семидесятилетняя пенсионерка-колхозница. Получала 8, а теперь 12 р. пенсии. С начала образования колхозов до выхода на пенсию по старости, она безответно и добросовестно работала в колхозе возчиком, исполняя самые тяжелые мужицкие работы. Ее муж, колхозник, погиб на войне в 1941 г. Детей у нее не было и теперь она одинокая старуха. Остальные члены двадцатки, перечисленные выше и подвергшиеся разному, такие же одинокие пенсионерки, потерявшие во время Отечественной войны своих мужей и детей. Особенно тяжело им пришлось во время Отечественной войны. Переноса горечь утраты, они самоотверженно выполняли не только мужицкую работу, но и лошадиную работу. За недостатком лошадей и тракторов, часто 10-15 солдаток таскали воз или плуг. Но теперь они стали старухами и не могут работать. И многие современные хамы стали их попрекать: «Чей вы хлеб едите, дармоеды!» Обездоленные и одинокие старухи имели единственное утешение лишь в церкви, куда они сносили свое имущество и деньги на вечное поминовение. И этого последнего утешения их лишили. Дорогую церковь, которую они любовно на свои восьмирублевые пенсии украшали, безответственные чиновники насильно взяли и обезобразили. Теперь они не могут проходить мимо церкви без слез. Неужели они для того несли последние гроши в церковь, приобрели дорогие ризы и покровы, масляную краску и олифу, дрова и свечи, сосуды и утварь, чтобы хапуги и пьяницы безнаказанно все это расхитили и пропили? Подобный разгром церкви является открытым грабежом. Поэтому вполне понятно, что эти обездоленные старушки не могут примириться с этим грабежом. И вот когда они стали жаловаться Н. С. Хрущеву на нетерпимое насилие, на них обрушились жестокие репрессии от тех насильников, которые за свои произвол и насилие должны были бы отвечать перед судом. Потеряв человеческую совесть, безответственные чиновники разностили, угрожали и издевались над обездоленными и беззащитными

старухами, на которых во время войны пахали. Это — бесчеловечная жестокость.

Но описанный разнос не сломал воли верующих с. Коршик в борьбе за Церковь. В июле 1964 г. они подали жалобу на имя Н. С. Хрущева, протестуя против разноса членов двадцатки 10 декабря 1963 г. Жалоба была подписана 259 верующими и получена в Москве 23 июля 1963 г. Так как жалоба осталась без ответа, то верующие подали новую жалобу на имя Н. С. Хрущева, которая была получена в Москве 12 октября 1964 г.

2 ноября 1964 г. верующие, собравшись в количестве около 100 человек в с. Коршик, обратились к С. С. Пономареву с просьбой показать им то постановление, на основании которого была закрыта и разгромлена церковь. Он сначала спросил: «Кто ваш вожак?» А. М. Корчемкина вышла вперед и сказала: «Я». Тогда он, называя собравшихся бунтовщиками, приказал немедленно разойтись, а спустя два дня приказал А. М. Корчемкиной идти в районный отдел милиции. Большая старуха по невероятной грязи пошла за 30 км в районный центр Оричи. В милиции ей грубо сказали: «Не хлопочи, церковь не будет открыта, молись дома».

Описанные факты показали даже малограмотным верующим, что организованный административный нажим на них осуществляется с ведома самого Н. С. Хрущева, который стремился путем административного нажима «искоренить» Христианскую религию в СССР.

Поэтому верующие села Коршик, как и других закрытых церквей, с радостью встретили весть об устранении Н. С. Хрущева от власти и с большой надеждой подали жалобу о восстановлении общины в правах на имя А. Н. Косыгина. Жалоба была подписана 111 верующими и получена в Москве 4 декабря 1964 г.

19 декабря 1964 г. обл. уполномоченный Совета И. Д. Ляпин прочитал А. М. Корчемкиной, как бы ответ на эту жалобу: «Убедите А. М. Корчемкину, чтобы она не хлопотала, церковь не откроят».

Не удовлетворившись этим ответом, верующие с. Коршик подали новую жалобу на имя А. Н. Косыгина, подписанную 477 верующими. Она была получена в Москве 21 марта 1965 г.

В мае в ответ на эту жалобу С. С. Пономарев сказал члену двадцатки Е. И. Щенниковой: «Если ты еще будешь расписываться под ходатайствами об открытии церкви, то тебе дадут по заслугам: либо два года тюрьмы, либо вышлют отсюда навечно».

Поэтому в июне 1965 г. А. М. Корчемкина поехала в Москву в Совет по делам РПЦ и здесь от имени верующих с. Коршик просила восстановить регистрацию общины или хотя бы дать копию с постановления о закрытии церкви. Чиновник Совета в самой грубой форме отказался не только выдать копию, но даже показать это постановление. В отношении же восстановления регистрации церковной общины он бесцеремонно заявил: «Скоро мы закроем и оставшиеся церкви».

Как уже было указано, чиновник Совета А. Е. Костылев то же самое сказал 7 июня 1964 г. представителям верующих гор. Белая Холуница.

Ясно, что Совет по делам РПЦ проводит прежнюю политику «искоренения» религии.

Поэтому в июне 1965 г. верующие с. Коршик подали коллективную жалобу Генеральному Прокурору СССР. В этой жалобе верующие, во-первых, указали на то, что Совет по делам РПЦ и его уполномоченные путем произвола и беззакония закрыли и разгромили церковь в с. Коршик и упорно отказываются восстановить законные права церковной общины. Во-вторых, они указывали на то, что 10 декабря 1963 г. Оричевский райпрокурор Анохин и другие должностные лица совершили грубый разнос членов двадцатки и этим причинили большой вред здоровью некоторых. В-третьих, они просили расследовать расхищение материальных ценностей, совершенное должностными лицами при разгроме церкви 21 марта 1963 г.

Несмотря на то, что верующие жаловались на упорное злоупотребление властью со стороны Совета по делам РПЦ, возглавляемого В. А. Куроедовым (такую жалобу правомочна рассматривать только прокуратура СССР), прокуратура СССР переслала жалобу в прокуратуру РСФСР, а последняя направила ее в прокуратуру Кировской обл. Начальник следственного отдела последней, Кардаков, 3 июня 1965 г. сообщил А. М. Корчемкиной, что жалоба направлена для проверки прокурору Оричевского р-на. Круг замкнулся. Жалоба поступила на проверку тому, на кого жалуются.

В газ. «Комсомольская правда» 4 июня 1965 г. была опубликована статья В. Пескова «Отечество», призывающая людей нашей страны охранять и восстанавливать памятники истории и культуры. А в это время в холодном приделе Зосимо-Савватиевской церкви лежал еще на полу резной иконостас. Поэтому верующие с. Коршик обратились 29 июля 1965 г. в газ. «Комсомольская правда»

с письмом, в котором они в ответ на статью В. Пескова просили газету: остановить бессмысленное разрушение церкви и посодействовать им в восстановлении ее, хотя бы как музейного памятника. Через 5 месяцев они получили от «Комсомольской правды» сообщение, что их письмо «передано Всероссийскому обществу охраны памятников истории и культуры для принятия необходимых мер». Но Кировское отделение общества, куда, повидимому, поступило письмо, никак не откликнулось на него. Меры же действительно были приняты: зимой сельсовет вместо дров сжег иконостас из холодного придела.

В октябре 1965 г. верующие снова направили на имя А. Н. Косыгина жалобу с просьбой, восстановить регистрацию церковной общины с. Коршик. Не получив никакого ответа, они в июле 1966 г. направили на имя А. Н. Косыгина аналогичную жалобу, к которой был приложен список двадцатки. Верующие просили восстановить регистрацию общины и возратить им Зосимо-Савватиевскую церковь, которую они хотели бы восстановить на свои средства. Если же государство намерено восстановить церковь на свои средства, как памятник архитектуры, то верующие просили предоставить им право построить на свои средства молитвенный дом. Эта жалоба была получена в Москве 18 июля 1966 г. и несомненно поступила в Совет по делам религии. Но верующие не получили на эту жалобу никакого ответа.

В своих ответах В. А. Куроедов сказал (газ. «Известия» 30 августа 1966 г.): «Отказ религиозному обществу в регистрации допустим лишь в том случае, если вероучение и исполнение орядов, а также и иная его деятельность сопряжены с нарушением законов или посягательством на личность и права граждан».

Деятельность Русской Православной Церкви не сопряжена с нарушением законов и разрешена в Советском Союзе. Почему же тогда в 1963 г. была снята с регистрации церковная община с. Коршик, и почему Совет по делам религий не восстановил регистрацию этой общины до сих пор, несмотря на упорные требования регистрации со стороны верующих в течение трех лет?

Как же может осуществляться законность, если закрытие церковных общин и ликвидация молитвенных зданий производится без надлежащего юридического оформления и все жалобы верующих в центральные органы власти и в центральные газеты остаются без ответа?

Как же могут охраняться достоинство и права верующих граждан, если местные власти применяют грубые репрессии к

верующим, желающим осуществить свое право на свободу совести, и органы прокуратуры фактически отказываются расследовать их жалобы?

В Кировской обл. в некоторых случаях приостановка деятельности и даже закрытие церквей производилось посредством пожарной охраны. По указанию обл. упол. Совета по делам РПЦ, пожарная охрана предъявляла церковным советам нелепые и абсолютно невыполнимые противопожарные требования, на выполнение которых либо совсем не предоставлялось времени, либо — недостаточно. Так как ремонт молитвенных зданий мог производиться лишь по разрешению уполномоченного Совета, а последний, обычно, разрешения не давал, то церковь оказывалась под угрозой закрытия за невыполнение противопожарных мероприятий. Верующие писали жалобы в Совет по делам РПЦ, но последний отмалчивался. По окончании назначенного срока выполнения противопожарных мероприятий, пожарная охрана накладывала пломбы на двери молитвенного здания. После этого верующие писали жалобы и посылали своих ходоков в областные и центральные органы власти, которые на эти жалобы не отвечали. Кончалось все внезапным разгромом молитвенного здания без предъявления каких-либо документов. В Кировской обл. таким образом были закрыты и разгромлены почти все молитвенные дома, построенные на средства верующих в 1947 г., многие деревянные церкви и некоторые каменные церкви. Ясно, что этот прием лишь внешне имел вид законности, а в действительности представлял собою вопиющее организованное беззаконие, как в этом можно легко убедиться на следующем типичном примере.

В с. Быстрица Оричевского р-на стоит большая каменная Троицкая церковь, построенная в 1753 г. Пол церкви чугунный.

В апреле 1962 г. пожарная охрана Оричевского р-на предъявила церковному совету требование: 1) на речке, протекающей в 100-150 м. от церкви, посредством плотины образовать большой водоем; 2) во всех ярусах колокольни окна затянуть металлической сеткой, чтобы голуби не могли летать на колокольню.

Так как верующие не могли выполнить это нелепое предписание, то в Великую Пятницу, 27 апреля 1962 г. местные власти закрыли церковь.

В Кировской обл. с 1960 по 1964 г. из 75 церквей и молитвенных домов, действовавших в 1959 г., было закрыто путем произвола и насилия 40 церквей или 53 %. Семь деревянных молитвенных домов были полностью разрушены, одна каменная церковь (Федоровская церковь в гор. Кирове) была взорвана, в остальных закрытых церквях интерьеры были разрушены, иконы, книги и утварь сожжены, а сами здания обезображены. Теперь обезображенные остовы закрытых церквей, большей частью ничем не занятые, с разбитыми стеклами, постепенно разрушаются от непогоды. Общество по охране памятников старины и культуры не имеет средств даже для охраны этих церквей, из которых некоторые (в с. Коршик, в с. Юрьево, в с. Байса и т. д.) являются замечательными памятниками архитектуры XVIII и XIX ст.

Массовое закрытие церквей производилось и в других областях. Всего по СССР в указанный период было закрыто более 10 000 церквей или половина всех церквей, действовавшие после войны. Разобранные примеры показывают, что церкви закрылись не сами собой, в силу того, что люди оставили христианскую веру, но церкви были закрыты незаконно, организованным административным нажимом.

Чтобы прекратить бесцельное разрушение закрытых церквей и восстановить нарушенную законность, необходимо вернуть эти церкви верующим и помочь им их восстановить.

**

Борьба с праздностью, тунеядством, пьянством, хулиганством и другими пороками и преступлениями является совершенно необходимой. Однако, закон о тунеядцах формулирован так неопределенно и предусматривает такую упрощенную процедуру, что дает административным и судебным органам широкую возможность для злоупотребления. Даже в газетах было приведено немало случаев злоупотреблений этим законом, когда должностные лица из-за мести или в целях корысти ссылали в отдаленные места людей, которых никак нельзя отнести к категории тунеядцев. Поэтому закон о тунеядцах очень удобно применять для борьбы с активистами-верующими. Вот типичные примеры:

Молодой человек, Иван Павлович Сергеев, из гор. Малмыжка Кировской обл., в 1961 г. хотел поступить учиться в Загорскую духовную семинарию, для чего он подал туда надлежащие документы. Когда в конце июля пришел из Москвы вызов на экзамены, то он уволился с работы и начал готовиться к отъезду. Хотя эта

подготовка велась тайно, однако, она стала известна каким-то образом местным властям. Его вызвали в горсовет и предупредили, что если он не оставит своего намерения, то его сошлют как тунеядца. Он отклонил это предупреждение, как незаконное. Вечером того же дня его арестовали, а утром совершился над ним скорый (трехминутный) и неправый суд. По закону о тунеядцах, его сослали на 3 года на север Кировской обл. на лесоразработки. Никакие жалобы в центр не помогли. Конечно, у местных властей он давно был на учете, как верующий-активист.

Итак, И. П. Сергеев хотел учиться в духовной семинарии в Загорске, а очутился на принудительных работах на севере Кировской обл.

В августе того же 1961 г. то же самое произошло с другим молодым человеком, Петром Егдаровым, из села Потники Яронского р-на Кировской области. Он также хотел поступить учиться в Загорскую духовную семинарию, и также получил из семинарии вызов, и с этим вызовом его сослали на три года, как тунеядца, на лесоразработки на север Кировской обл. Областной же уполномоченный Совета закрыл церковь в с. Потники и снял с регистрации священника церкви за то, что он подготовил Петра Егдарова к поступлению в духовную семинарию.

Летом 1961 г. обл. упол. по делам РПЦ по Кировской обл., Д. Л. Медведев, решив закрыть церковь в с. Трехречье Кирово-Чепецкого р-на, снял с регистрации без всяких оснований священника этой церкви Николая Прокопьевича Пересторонина. Он жил со своей семьей в небольшом домике, выстроенном на средства верующих. Осенью того же года церковь была закрыта и интерьер разрушен, несмотря на протесты верующих, а священник Н. Н. Пересторонин поступил служить чтецом в Серафимовскую церковь гор. Кирова. Ему с трудом удалось прописаться одному на частной квартире, а его семья (жена Т. Г. Пересторонина с двумя малолетними детьми) осталась жить в Трехречье в церковном домике. Председателю сельсовета, принимавшему активное участие в закрытии и разгроме Трехреченской церкви, захотелось поселиться в этом домике. Среди зимы 1962 г. он вручил Т. Г. Пересторониной официальное распоряжение сельсовета: немедленно освободить весь домик, в противном случае она насильно будет вывезена с детьми в поле и высажена на снег. Так как Т. Г. Пересторониной некуда было переселяться, то она, несмотря на все угрозы, осталась жить на прежнем месте. Разгневанный председатель сельсовета стал нажимать на районное начальство. На-

конец, Т. Г. Пересторонина была вызвана повесткой к судье в районный центр Кирово-Чепецк. Женщина-судья, поиздевавшись над попадшей, сказала ей грозно: «Если ты в течение недели не освободишь квартиру, то мы отдадим твоих детей в детдом, а тебя, как тунеядку, сошлем в концлагерь».

Дело приняло трагический оборот, однако, окончилось благополучно. Женщина — директор местной начальной школы, узнав об опасном положении Т. Г. Пересторониной, приняла ее на работу в школу уборщицей и тем спасла от тяжелой участи. Тогда председатель сельсовета обратил свой гнев на директора школы и добился того, что ее сняли с должности директора. Репрессии обрушились также и на свящ. Н. П. Пересторонина. Весной 1962 г. милиция потребовала у него паспорт и поставила штамп о выписке. В конце концов ему пришлось оставить службу в Серафимовской церкви гор. Кирова и поступить слесарем в мастерскую совхоза. Только после этого его прописали по прежнему месту жительства в с. Трехречье.

II. — РОЛЬ МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ В МАССОВОМ ЗАКРЫТИИ ЦЕРКВЕЙ

Чтобы правильно понять антирелигиозную кампанию 1959—1964 гг. в целом, необходимо выявить, какую роль в этой кампании играли епископы и Московская Патриархия.

Многие священники закрываемых церквей выступали в защиту законных прав церковных общин. Но немало было и таких, которые в сговоре с уполномоченными объективно способствовали закрытию церквей и упадку церковной жизни. Основная же масса священников в этой кампании занимала нейтральную позицию. Но вся деятельность священников определяется направляющим руководством епархиальных епископов и Московской Патриархии.

С начала 1960 г. руководящую роль в Московской Патриархии стал играть молодой архимандрит Никодим, который в течение трех лет прошел все высшие ступени церковной иерархии и в 1963 году стал митрополитом. За границей он везде выступал от лица всей Русской Православной Церкви. Быстрая карьера этого молодого человека вызывает законное недоумение.

Другим влиятельным лицом Патриархии с начала антирелигиозной кампании, кроме Патриарха Алексия, был митрополит Пимен. В последние годы большую роль стал играть также очень молодой архиепископ Алексей, управляющий Московской Патриархией. Эти высшие князья церкви направляли и направляют всю работу Патриархии. Поэтому по их деятельности и выступлениям можно судить о роли Патриархии в антирелигиозной кампании 1959—1964 гг.

Роль Московской Патриархии и епархиальных епископов в антирелигиозной кампании правильно осветили в своем письме к Патриарху в декабре 1965 г. священ. Н. Эшлиман и Г. Якунин.

Церковные советы и верующие закрываемых церквей в первую очередь за советом и помощью стали обращаться к епархиальным епископам. Следует заметить, что в большинстве сельских приходов верующие — люди малограмотные и нуждаются в юридической помощи, которую они могли бы получить либо у уполномоченных Совета, либо у епархиальных епископов. Но с начала 1960 г. уполномоченные заняли враждебную позицию по отношению к религиозным организациям и стали главными закрывателями церквей и гонителями верующих. Поэтому верующие пошли за помощью и советом к епископам. Как было указано, закрытие церквей начиналось с незаконного снятия уполномоченным священников и отказа зарегистрировать кого-либо. По советским законам такие действия уполномоченного являются произволом. Поэтому епископы, и тем более Московская Патриархия, могли бы на законных основаниях решительно противодействовать этому произволу и тогда несомненно многие церкви не были бы закрыты. Однако, с самого начала антирелигиозной кампании епископы (за исключением немногих) полностью устранились от какой-либо борьбы за законные права верующих. Когда верующие церкви, где незаконно был снят священник, обращались к епископу с просьбой о назначении нового священника, то епископ отсылал их к обл. упол. Совету, чтобы тот дал согласие на регистрацию одного из предлагаемых кандидатов. Уполномоченный без всяких объяснений отказывался зарегистрировать кого-либо из выставленных кандидатов. Тогда епископ говорил верующим: «Больше у меня кандидатов нет, а этих не регистрирует уполномоченный, больше я ничего не могу сделать. Ищите сами священника». Когда возмущенные верующие говорили, что они подадут жалобу в Совет по делам РПЦ или Патриархию, то епископ говорил им: «Только, пожалуйста, вы меня в это дело не вмешивайте, я никакого

совета не давал и не даю». Когда верующие закрываемых церквей обращались письменно или через ходоков в Патриархию с жалобой на произвол уполномоченного, отказывающегося зарегистрировать в церковь священника, то Патриархия отвечала коротко: По вопросу о назначении священника обращайтесь к такому-то епископу». Когда же верующие обращались в Патриархию с аргументированной жалобой на незаконное закрытие и разгром церкви и просили посодействовать им в восстановлении законных прав, то Патриархия отмалчивалась.

Скоро епископы совсем не стали принимать лично верующих, а стали разговаривать с ними только через посредство секретарей. Когда верующие просили назначить священника, то епископ через секретаря отсылал их к уполномоченному. Последний говорил: «Я попов не назначаю. Пусть епископ даст указ, а я зарегистрирую». Верующие приходили снова к епископу. Он говорил верующим через секретаря: «У меня священников нет, ищите сами кандидата и если уполномоченный его регистрирует, то я дам указ».

Таким образом, с чисто нормальной стороны ответственность за волокиту с назначением священников несут епископы и Московская Патриархия, а потому и ответственность за массовое закрытие церквей вместе с Советом по делам РПЦ несет Московская Патриархия.

Скоро стали распространяться верные слухи о том, что некоторые епископы сами активно участвуют в закрытии церквей.

Большую услугу кампании массового закрытия храмов оказал циркуляр Московской Патриархии о закрытии мало доходных церквей и о слиянии их приходов с другими. Злоупотребляя этим циркуляром, епископы закрыли многие церкви, приходы которых были вполне способны содержать свои храмы и церковный причт. Так, осенью 1962 г. церковная община Федоровской церкви гор. Кирова была по согласию с духовенством слита с церковной общиной Серафимовской церкви, а сама церковь взорвана и сброшена в р. Вятку. В начале 1964 г. Кировский епископ Иоанн закрыл молитвенный дом в поселке Рудничном, выстроенный самими верующими в 1947 г. Официально это закрытие именуется слиянием с другой церковью, которая находится на расстоянии 40 км от пос. Рудничного. Патриархия оставила без ответа многочисленные жалобы верующих пос. Рудничного на незаконные действия епископа.

Верующие скоро заметили, что Патриархия и епископы не только полностью устранились от защиты законных прав верую-

щих, но и активно поддерживают каждое мероприятие гражданских властей, направленных против церкви.

Весной 1964 г. митр. Никодим и митр. Пимен выступили с официальными заявлениями для заграницы, в которых они отрицали наличие в СССР притеснения верующих и утверждали, что церкви закрываются в силу добровольного отхода людей от веры. Верующим СССР эти заявления стали известны через посредство радиостанции Би-би-си.

Следовательно, руководители Патриархии не посмели выступить открыто с этими заявлениями перед русскими верующими, что явно свидетельствует о их ложности. Теперь многим верующим стало ясно, почему митр. Никодим так быстро взошел по иерархической лестнице до самого верха.

Для Кировских верующих участие епископов в закрытии храмов и разрушении религиозной жизни стало явным в результате деятельности епископа Иоанна, ставленника митрополитов Пимена и Никодима. С первого дня своего прибытия в гор. Киров в конце 1962 г. он развил энергичную деятельность по закрытию церквей и разрушению церковной жизни. С конца 1963 г. в Кировской обл. закрытие церквей производилось только по злой воле епископа Иоанна. Он во многих церквях уволил твердых в вере священников и поставил пьяниц. Часто в храмах он сам совершал изуверские бесчинства. Он угрожал убрать каждого священника, который посмеет ослушаться устного распоряжения уполномоченного Совета. Замечательно то, что он постоянно выставлял себя в смешной роли какого-то государственного чиновника. Например, в феврале 1965 г. он в течение двух часов с кулаками набрасывался на одного старосту и кричал: «Я тебя отправлю в НКВД». Он не только закрывает церкви, но и погашает веру в сердцах многих людей. Верующие Кировской обл. посылали множество писем в Московскую Патриархию с требованием немедленно убрать еп. Иоанна. Все письма остались без ответа.

В феврале 1966 г. представитель Кировских верующих был в Патриархии с очередной жалобой на еп. Иоанна. При его присутствии представители Тульских верующих резко протестовали против назначения митр. Антония на Тульскую кафедру. Заинтересовавшись этим, представитель Кировских верующих спросил служащего Патриархии: «Что это за митрополит Антоний?» Тот ответил: «Ваш еп. Иван теленок по сравнению с митр. Антонием, который много людей отправил в тюрьму». Но руководители Патриархии не убирают ни митр. Антония, ни еп. Иоанна. Служащий

Патриархии сказал представителю верующих гор. Кирова: «Епископов назначает и увольняет гражданская власть, а не Патриархия. Поэтому Патриархия не может самостоятельно отстранить от управления Кировской епархии епископа Иоанна».

Все это указывает на тесную связь Патриархии с Советом по делам религий и на открытое нарушение закона об отделении церкви от государства. Управление Московской Патриархии стремится сделать всех епископов и священников послушным орудием в руках Совета по делам религий.

8 и 9 октября 1966 г. радиостанция Би-би-си передала интервью митр. Никодима одной католической газете по поводу писем священников Н. Эшлимана и Г. Якунина. В своем интервью митр. Никодим решительно заявил, что, за исключением отдельных случаев, 10 000 церквей в СССР закрылись сами собой, из-за недостатка доходов. Это, очевидно, следует понимать так: под влиянием атеистической пропаганды люди стали неверующими, церковные общины в основном распались и оставшиеся немногие верующие не могли содержать церкви.

Если бы с таким заявлением митр. Никодим выступил перед русскими верующими, то его назвали бы наглым лжецом. Даже известный советский юрист Г. З. Анашкин писал: «Воспитательная работа с верующими в некоторых местах подменялась грубым администрированием, вызывающим лишь недовольство и озлобление среди верующих, что используется зарубежными реакционными кругами для антисоветской пропаганды...» (Жур. «Советское государство и право», № 1 — 1965 г.).

Почему же, не боясь греха, в своем интервью В. А. Куроедов хвалит Патриарха Алексия и руководство Московской Патриархии? Потому, что они объективно своей деятельностью способствовали закрытию церквей и подрыву религиозной жизни внутри нашей страны и перед лицом всего мира лжесвидетельствовали о положении Церкви.

3. НЕЗАКОННЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЦЕРКОВНЫХ ОБЩИН

Антирелигиозная кампания 1959—1964 гг. была направлена, во-первых, на массовое закрытие церквей и, во-вторых, на введение различных ограничений деятельности открытых церквей —

ограничений, способствующих упадку религиозной жизни. Эти ограничения были введены потому, что церковное управление и церковные советы стали безоговорочными исполнителями любых устных распоряжений областных и районных уполномоченных Совета по делам РПЦ (Совета по делам религии). Это произошло не сразу и не без борьбы. Уполномоченные приобрели неограниченную власть над церковными общинами, во-первых, благодаря злоупотреблению правом регистрации, и во-вторых, благодаря пособничеству Московской Патриархии и устранению епископов от борьбы за права верующих. Более того, некоторые епископы, например, Кировский епископ Иоанн, обязывали всех священников безоговорочно подчиняться любым распоряжениям уполномоченных. Епископ Иоанн объявил священникам своей епархии, что каждый священник за послушание любого распоряжения уполномоченного будет уволен.

Уполномоченные, злоупотребляя правом регистрации, стали по своему усмотрению увольнять (снимать с регистрации), переводить и назначать священников. Так, в одной Кировской обл. в указанный период уполномоченные сняли с регистрации 21 священника (25 %) и ни одного не зарегистрировали вновь. При этом они снимали с регистрации твердых священников, а слабых и порочных — оставляли.

Патриархия, начиная с 1960 г., под фактическим руководством митрополитов Пимена и Никодима, не только не боролась с произволом уполномоченных в отношении регистрации священников, но объективно стремилась сделать всех епископов послушным орудием в руках Совета по делам РПЦ и его уполномоченных.

Это приводило и приводит малодушных церковнослужителей на путь неправды, угодничества перед властью имущими, а иногда и на путь предательства. Все видят, что те, которые мужественно защищают веру и правду, страдают, а те, которые угождают уполномоченным, живут безмятежно.

Областные и районные уполномоченные Совета, злоупотребляя правом регистрации, во-первых, категорически отказывались и отказываются регистрировать новых членов двадцатки и тем лишают верующих возможности активно участвовать в деятельности церковных общин. Благодаря этому верующие в своем большинстве являются теперь бесприходными неорганизованными посетителями богослужений.

Во-вторых, областные и районные уполномоченные Совета по своему произволу снимали и снимают с регистрации церковных

старост, членов церковных советов и даже членов двадцаток. Часто они сами назначали и назначают старостами и членами церковных советов тех, кого они хотят. Посредством такого произвола они добивались того, что старостами и членами церковных советов становились люди, безоговорочно исполняющие все устные распоряжения уполномоченных, а иногда и люди порочные: пьяницы, воры, предатели. Иллюстрируем сказанное двумя примерами.

В 1963 г. в гор. Котельниче Кировой обл. районный уполномоченный Совета снял без всяких оснований достойного старосту местного молитвенного дома, избранного верующими, и назначил старостой пьяницу и вора, который своими действиями скоро привел церковь к временному закрытию. Верующие Котельнического молитвенного дома в своем письме в газ. «Известия» писали: «Вы утверждаете, что в СССР церковь отделена от государства. Почему же секретарь райисполкома назначил нам старостой пьяницу и уголовного преступника, несмотря на наши протесты? Просим вас, воздействуйте на Котельнический райисполком, чтобы он убрал назначенного им старосту и позволил нам самим выбрать старосту по своему желанию».

10 августа 1966 г. зам. председателя Владимирского горисполкома, Николаева Т. Д., вызвала председателя ревкомиссии Успенского собора гор. Владимира, Соколову А. И., и объявила: «Вы исключены из членов двадцатки». Вместе с Соколовой А. И. были исключены из членов двадцатки: Тужилова, Артемьева А. И., Шипов Ф. И., Смирнова Е. В. и Иванова В. Я. Снимая с регистрации этих членов, Николаева набирает новых, угодных ей, но нежелательных верующим. Соколова А. И. в своей жалобе на имя А. Н. Косыгина пишет: «Справедливо ли делает это зам. пред. горисполкома Николаева Т. Г.? Церковь отделена от государства, а всеми делами вершит горисполком в лице Николаевой Т. Г.».

Церковные общины представлены теперь церковными советами, которые в большинстве случаев назначены уполномоченными Совета, управляют хозяйством общины без ведома верующих и находятся в полном подчинении уполномоченных. Итак, с 1960 года власть в Рус. Прав. Церкви, в нарушение закона об отделении церкви от государства, постепенно перешла в руки Совета по делам РПЦ (теперь Совета по делам религии) и его уполномоченных на местах. Совет использовал эту власть, во-первых, для массового закрытия церквей, а во-вторых, для введения различных ограничений деятельности открытых церквей.

1. ОГРАНИЧЕНИЕ ПРОПОВЕДИ В ЦЕРКВАХ

Христианская проповедь должна быть тесно связана с современной жизнью. Она должна не только научать основам веры но и обличать пороки современных людей, научать их христианской жизни, защищать веру от нападок атеистов. Однако, многие священники Кировской епархии, боясь лишиться регистрации, начиная с 1960 г. превратили свои проповеди в схоластические моральные наставления, оторванные от современной жизни и от идеологической борьбы между атеизмом и Христианской религией. Конечно, такие проповеди не могут воздействовать на слушателей. Они являются безвредными даже для современной невежественной и грубой атеистической пропаганды. Дело дошло, наконец, до того, что в последние годы в Кировской области по распоряжению еп. Иоанна священники должны представлять свои проповеди в письменном виде уполномоченному Совету.

2. ИЗГНАНИЕ НИЩИХ ИЗ ХРАМА И ЗАПРЕЩЕНИЕ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА

Начиная с 1950 г. уполномоченные Совета по делам РПЦ, принуждали священников и церковные советы изгонять нищих из храмов и церковных оград. Священники, боясь лишиться регистрации, многократно выступали с амвонов с призывами изгонять нищих, нарушая тем самым одну из самых главных заповедей Христианской религии. Церковные советы и темные люди, внимая этим призывам, много раз с поразительной жестокостью выталкивали из храмов и церковных оград нищих и бедно одетых людей и даже избивали их. Верующие гор. Кирова 20 ноября 1963 г. обратились к Патриарху Алексию с письмом, в котором они просили его особым посланием прекратить эти жестокие акты. Но Патриарх Алексей хранил гробовое молчание и изгнание нищих из храмов по призыву священников повторялось еще много раз.

После 1963 г. милиция и дружинники несколько раз делали облавы на нищих во время богослужений в единственной в гор. Кирове Серафимовской церкви. На глазах множества верующих дружинники выталкивали этих несчастных людей из храма, вытряхивали из их карманов копейки и, не выдав квитанций, давали им хорошего тумака. Обшаривали карманы даже молодые дружинники. Среди нищих, собирающих милостыню около Серафимовской церкви г. Кирова, есть 73-х летний старик Иван Ильич Брон-

ников. Этот больной старик не получает пенсии и не имеет никаких родственников. Поэтому для него милостыня является единственным источником существования. Участковый милиционер Ананьин дважды отнимал у него деньги, не выдав ему квитанции.

Начиная с 1961 г. повсеместно был запрещен колокольный звон. Это запрещение преследовало цель: ослабить влияние на людей религиозных традиций и обычаев. Но колокольный звон является необходимым элементом религиозного культа. Поэтому запрещение его является нарушением ст. 124 Советской Конституции. Ныне колокола в церквах небольшие и колокольный звон слышен только в непосредственной близости от церкви. Он не может кому-либо мешать. Следовательно, запрещение колокольного звона нельзя ничем оправдать.

3. ЗАПРЕЩЕНИЕ НОЧЕВАТЬ ВЕРУЮЩИМ В ЦЕРКОВНЫХ СТОРОЖКАХ

При всех церквах имеются сторожки, где верующие из далеких мест могли отдохнуть и переночевать. Необходимость в таких сторожках особенно велика в селах, где имеется всего несколько домов.

С 1960 г. уполномоченные Совета, желая затруднить посещение церквей, повсеместно приказали церковным советам не пускать в церковные сторожки верующих отдыхать и особенно ночевать. Церковные советы, боясь закрытия церквей, стали запрещать верующим ночевать в совершенно свободных сторожках. Местные власти стали проверять по ночам церковные сторожки, выгоняя безжалостно оттуда всех стариков и старух. Пример такого жестокого произвола был приведен при описании закрытия церкви в селе Рои.

В результате этого многие пожилые верующие лишились возможности посещать церкви, особенно осенью и зимой.

Много страданий перенесли и много слез пролили в эти годы паломники в Почаевскую обитель, где местные власти не только закрыли гостиницу, но и производили ночью облавы на местных жителей, чтобы обнаружить там паломников. Теперь, в связи с массовым закрытием церквей, нужда в ночлежных сторожках возросла. Это ограничение, препятствующее верующим удовлетворить свои религиозные потребности, должно быть отменено.

4. ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ВРЕМЕНИ СОВЕРШЕНИЯ БОГОСЛУЖЕНИЙ В СЕЛЬСКИХ ЦЕРКВАХ

С 1960 г. районные уполномоченные Совета (секретари райисполкомов) во всех открытых церквах Кировской обл., за исключением гор. Кирова, запрещали, под страхом закрытия церкви, с 1 мая по 1 ноября (в некоторых местах с 15 мая по 15 ноября) совершать богослужения и требы днем, разрешая совершать их лишь с 10 ч. вечера до 5 ч. утра. В большинстве районов это ограничение было дано устно, но в некоторых районах оно было дано в письменном виде.

Вот образец такого распоряжения:

РСФСР

Исполнительный к.

Белохолуницкого район.

Сов. деп. труд.

11 мая 1961 г.

№ 11/05 п. Б. Холун.

Священнику Белохолуницкой кладбищенской церкви
Ташевскому А. А.

В связи с тем, что в районе начались полевые работы, исполком райсовета разрешает службу в период с 15 мая по 15 ноября 1961 г. проводить с 10 ч. вечера до 5 ч. утра.

Секретарь исполкома райсовета А. Едигарев.

Ссылка на полевые работы не убедительна. Пожилые верующие, которые в основном посещают храмы, в полевых работах не участвуют. Кроме того, местные власти не запретили с 15 мая по 15 ноября клубам и кинотеатрам устраивать сеансы в обычные для них часы. Что бы сказали атеисты, если бы им в указанный период было разрешено смотреть кинокартины с 10 ч. вечера до 5 ч. утра?

Это ограничение, вместе с запрещением ночевать верующим в церковных сторожках, затрудняет и даже делает невозможным посещение открытых церквей пожилыми людьми.

Московской Патриархии из бесчисленных жалоб верующих все это хорошо известно, но она не только молчала, но даже изыскивала всевозможные оправдания этому произволу.

5. ЗАПРЕЩЕНИЕ СОВЕРШАТЬ ТРЕБЫ НА ДОМУ БЕЗ СПЕЦИАЛЬНОГО РАЗРЕШЕНИЯ

В Кировской области в сельской местности с конца 1959 г., а в городах с 1960 г. уполномоченные Совета по делам РПЦ устно запретили священникам, под страхом снятия с регистрации, исповедать, причащать и соборовать на дому тяжело больных и совершать другие требы на дому без специального разрешения на это местных властей (пред. сельсоветов и секретарей горсоветов). Это ограничение остается в силе и до настоящего времени.

В открытом письме священников Н. Эшлимана и Г. Якунина Патриарху Алексию рассказывается: «В Московской епархии, при перерегистрации духовенства в 1961—1962 гг., всем священникам было предложено подписать негласное распоряжение Совета по делам РПЦ, предписывающее совершать требы на дому и панихиды на кладбищах только по разрешению местных властей (которое практически почти никогда не дается), причем уполномоченный Совета по Москве и Московской обл. Трушин выдавал священникам регистрационные справки после того, как они расписывались в том, что будут выполнять это распоряжение.

Важно отметить, что при этом «распоряжение» осталось в руках у Трушина, а расписавшиеся священники не получили даже его копии».

Верующие гор. Кирова в своем письме от 20 февраля 1963 г. просили Патриарха Алексея срочно разрешить вопрос о возможности причащения и соборования больных на дому без специального разрешения местных властей. Но Патриархия оставила это письмо без всякого ответа. Тем самым Патриархия взяла на себя великую моральную ответственность, так как по канонам и обычаям Рус. Прав. Церкви священники обязаны, не взирая ни на какие обстоятельства, причащать больных днем и ночью.

С этим вопросом верующие гор. Кирова обращались еще в 1963 г. в Совет по делам РПЦ. Чиновник Совета сказал: «Попы вас обманывают. Никакого разрешения для причащения и соборования на дому больных не требуется». В то же время он отказывался дать указание по этому вопросу на имя Кировского областного уполномоченного; он сослался при этом на существующие законы. Действительно, по существующим законам о религиозных культах разрешается производить на дому все требы без особых разрешений и уведомлений, а также панихиды на кладбищах. Все это и совершалось без всяких препятствий до 1959 г.

Поэтому, устное запрещение совершать требы на дому является произволом Совета по делам РПЦ, который Патриархия своим молчанием покрывает. Это запрещение очевидно преследует цель: не допустить сближения священников с прихожанами. Местные власти при выдаче разрешений на право причастить больного на дому требуют паспорт больного, расспрашивают о наличии детей в доме и часто отказывают в разрешении. Кроме того, для получения такого разрешения родственники больного должны затратить много труда и времени. Поэтому практически такое разрешение получить во-время невозможно и больные умирают, не исполнив своего желания. Это всегда сильно огорчало и огорчает верующих.

Лишать умирающего человека последнего утешения — бессердечная жестокость. Запрещение совершать требы на дому без особых разрешений — недопустимое ограничение свободы совести, вызывающее недовольство и протест верующих.

6. ОТСТРАНЕНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ ОТ УЧАСТИЯ В БОГОСЛУЖЕНИИ

9, 10 и 11 августа 1963 г. большие наряды дружинников и милиции с 6 ч. утра до 4 ч. дня кольцом оцепляли единственную в г. Кирове Серафимовскую церковь и не пропускали в нее женщин с детьми, а также подростков до 18—20 лет. Но это насилие привело к обратным результатам. Женщины смело вступали в рукопашную схватку с дружинниками и легко прорывали оцепление. Милиция и дружинники поняли, что открыто воевать с женщинами и детьми **позорно**. Поэтому 11 августа к 10 ч. утра милиция и дружинники оставили поле битвы. Верующие радовались победе, но радость была непродолжительна.

Достаточно было уполномоченному Совету по Кировской обл. сказать священникам Серафимовской церкви, чтобы они не исповедали и не причащали детей школьного возраста, как это тот же час было исполнено без всякого объяснения верующим. Находясь под неограниченной властью уполномоченного и Кировского епископа Иоанна, священник вынужден либо молча подчиняться любому устному распоряжению уполномоченного, либо оставить службу в церкви.

С середины августа 1963 г. в Серафимовской церкви гор. Кирова, как и в других церквях СССР, слышались стоны и плач женщин и детей. Священники без объяснений категорически отказывались исповедывать и причащать детей школьного возраста и

причащать детей дошкольного возраста, принесенных бабушками. Это ограничение в Кировской области остается в силе и до сих пор.

Таким образом, сначала местные власти пытались отстранить детей и подростков от богослужения посредством грубого насилия. Это им не удалось. Тогда они легко и бесшумно ввели это ограничение посредством давления на духовенство.

7. ЗАПРЕЩЕНИЕ ПАЛОМНИЧЕСТВА К СВЯТЫМ МЕСТАМ

С 1960 г. местные советы запретили верующим охранять, ставить памятники и посещать могилы людей, которых они почитают святыми. По постановлению местных советов многие такие могилы были разрушены, чтобы не допустить посещения их верующими.

Так, в г. Кирове горсовет разрушил могилы иеромонаха Стефана Филейского и игумены Февронии, почитаемых верующими г. Кирова. В гор. Яранске Кировской обл. горсовет разрушил могилу иеромонаха Матвея и посредством милиции препятствовал верующим в праздничные дни группами посещать кладбище, где он был похоронен.

Такие действия являются недопустимыми актами насилия. Разве в нашей стране запрещено посещение и поодиночке и целыми группами могил Пушкина, Лермонтова, Толстого и т. д.? Почему же верующим запрещают посещать могилы тех, кого они почитают великими людьми? Что бы сказали атеисты, если бы Лондонский муниципалитет постановил разрушить могилу Карла Маркса?

Также с начала 1960 г. повсеместно было запрещено групповое паломничество верующих к местам, где раньше были часовни, церкви, монастыри, источники, почитаемые верующими отдельных районов или всей страны святыми местами. В дореволюционное время паломничество верующих было всеобщим явлением. Тысячи верующих из самых глухих уголков пешком и на всевозможном транспорте отправлялись: в Соловецкий монастырь, Киево-Печерскую лавру, Саровскую пустынь, на Афон и в Святую землю (Палестину).

Кроме того, в каждой области были свои святые места, куда по исторической традиции в определенные числа отправлялись тысячи паломников. В Вятской земле, ныне Кировской области, с 1460 г. ежегодно верующие-христиане с иконой Николы Великорецкого (иконы 1383 г.) отправлялись из г. Хлынова (позднее город Вятка, а с 1934 г. гор. Киров) в село Великорецкое на р.

Великой. Эти ежегодные паломничества совершались с 3 июня по 10 июня (с 21 мая по 28 мая ст. ст.) и привлекали множество народа из Вятской и других областей. В 1910—1912 гг. в паломничестве принимало участие до 50 тысяч человек, когда в самом гор. Вятке проживало всего 54 тысячи человек. Это паломничество описано Герценом в произведении «Былое и Думы».

После революции крестные хода были фактически прекращены, но паломничество из гор. Кирова в с. Великорецкое совершались ежегодно беспрепятственно. Огромные массы верующих отправлялись от Серафимовской церкви гор. Кирова и со своими иконами медленно двигались к с. Великорецкому по тем дорогам, по которым в течение пяти столетий передвигались крестные хода с иконой Николы Великорецкого.

Прибыв в с. Великорецкое, верующие молились в Преображенской церкви, построенной в 1749 г., пили воду из ключа, где в 1826—28 гг. была выстроена красивая каменная часовня, купались в р. Великой, как это было положено по многовековым обычаям, и потом возвращались в гор. Киров.

С 1960 г., особыми постановлениями местных советов, это паломничество было запрещено; в том же году красивая часовня была взорвана, ключ огорожен высоким забором, а Преображенская церковь незаконно закрыта. 11 мая 1961 г. в 4 ч. утра интерьер этого памятника архитектуры был варварски разрушен.

Ежегодно, начиная с 1961 г., с 3 июня по 10 июня для борьбы с паломниками по всем дорогам от гор. Кирова (от Серафимовской церкви) в с. Великорецкое выставляются дружинники и милиция, которые, терроризируя население, храбро гонятся за стариками и старухами, забирают и штрафуют их только за то, что они тихо и мирно идут дорогой в с. Великорецкое. Борьба с паломничеством официально мотивируется тем, что оно, якобы, мешает сельхозработам. Между тем, не менее тысячи здоровых дружинников в течение целой недели бездельничали, гоняясь за стариками и старухами.

В местной газ. «Кировская Правда» перед началом паломничества, обычно, печаталась статья, в которой честные верующие-христиане назывались жуликами, обманщиками, шарлатанами. Так, 1 июня 1961 г., в этой газете была напечатана статья П. Смирнова «Дела паломнические». Автор писал, говоря о некоторых участниках паломничества: «Скажу одно — все они крайне не порядочные, морально нечистоплотные люди».

Пристального внимания прокуратуры и милиции заслуживают

и другие организаторы паломничества. Ведь нельзя смотреть сквозь пальцы, как Клепиковы и Серебряков, обходя советские законы, организуют церковную службу под открытым небом на пути из г. Кирова в село Великорецкое...

Настала пора со всей решительностью выступить против паломничества...

Итак, для борьбы с мирными паломниками мобилизовались большие отряды милиции и дружинников. Как же местные власти боролись с хулиганством?

В гор. Кирове имеется сад Степана Халтурина. В той же газ. «Кировская Правда» за 31 мая 1961 г. была напечатана статья А. Лиханова и Л. Шаромова «Дурную траву — из сада вон!». В статье читаем: «Вы пришли в сад Степана Халтурина. Но попробуйте пройти по любой аллее парка. Вас могут в любую минуту ударить по лицу, оскорбить, толкнуть, плюнуть на ваш костюм... Две-три группы хулиганов каждый вечер буквально терроризируют отдыхающих».

Многие в воскресенье 28 мая 1961 г. стали невольными свидетелями того, как вела себя компания, а точнее шайка из тридцати-сорока подвыпивших мальчишек. Каждому из них лет шестнадцать-семнадцать. Но их много...

У самого входа, на дороге, эти хулиганы прижали к забору парнишку... Из толпы по одному выскакивают хулиганы и по очереди бьют его... Рядом — народ, но никто не защитит парня от хулиганов. Идут офицеры, идут здоровые парни с заводов, идут студенты. Но они ничего «не видят»...

Хулиганы вышагивают не спеша, уверенно. Задирают то одного, то другого. То тут, то там — оплеуха, пощечина, удар в челюсть...

Неужели никто не возмущался этой шайкой? Возмущались. Но тихонько, чтобы не услышали. Неужели среди тех, кто шел рядом, не было коммунистов, комсомольцев, дружинников, наконец, просто порядочных людей?

Были, но они молчали...

Кто же в этом виноват?

Те, кто должен следить за порядком. Ничтожно мало в саду дружинников. Их было тут в воскресенье 28 мая только 36!»

Итак, не менее тысячи дружинников в те дни было мобилизовано и расставлено по дорогам из гор. Кирова в с. Великорецкое для борьбы с паломниками, а вот для борьбы с хулиганами в един-

ственном саду гор. Кирова дружинников и милиции не хватило. Дружинники очень храбро гонялись за стариками и старушками, все преступление которых состояло в том, что они под открытым небом Богу молились. По П. Смирнову — это тяжкое нарушение советских законов. Но когда в саду Степана Халтурина хулиганы избивали людей, то дружинники, коммунисты, комсомольцы и другие трусливо убегали от хулиганов.

Ясно, что фанатизм довел некоторых советских атеистов до крайней глупости.

Борьба с паломничеством посредством милиции — не только глупость, но и недопустимое ограничение гражданской свободы.

Разве в нашей стране туристам запрещается ходить и ездить, поодиночке и целыми группами, в любое время года и по любым дорогам? На каком же основании верующие-христиане лишаются права путешествовать по своей стране?

Как же Московская Патриархия отнеслась к запрещению паломничества?

Патриарх Алексей выпустил воззвание, в котором он прямо запрещал паломничество к святым местам.

Епископ Кировский Иоанн в своем угодничестве перещеголял даже атеистов в деле запрещения паломничества. В своем воззвании к верующим Кировской обл. 20 мая 1964 г. он утверждал, что, якобы, паломники, двигаясь из гор. Кирова в село Великорецкое, «подобно саранче уничтожают все посеы на своем пути». Справедливости ради следует сказать, что даже самые фанатичные атеисты такой глупой клеветы на верующих никогда не возводили.

50-е годы.

Едва ли не самый одаренный из поэтов-декабристов, кн. Александр Иванович Одоевский (1802—1839), за участие “в умысле бунта” и личное действие “с пистолетом в руках”, был приговорен к 15-ти годам каторжных работ и 1-го февраля 1827 г. отправлен в Сибирь. Срок наказания был ему сокращен. Он пробыл в Сибири десять лет, а затем был определен рядовым в Кавказский корпус. На Кавказе встретился и подружился с Лермонтовым, посвятившим, через два года, его памяти одно из лучших своих стихотворений. Он умер в укреплении Псезуане, ныне Лазаревском, от малярии, “кавказской михорадки”.

Стихотворение “Воскресенье” или “Светлое Воскресенье” (слово “светлое” приписано в рукописи, с его согласия, быть может, но не его рукой) написано им было в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости через четыре месяца после ареста, когда он еще ожидал приговора. Другой заключенный декабрист, Н. И. Лорер, описывает эту насхальную ночь так (в предпоследней фразе почти дословно повторяя последнюю строчку стихов Одоевского):

“Вошел сторож (...) и предупредил меня, предлагая заткнуть уши, ибо надо мной сейчас будут палить из пушек, как всегда во время Великой Заутрени. И действительно, вскоре раздался над головой потрясающий гром и пламя осветило мою мрачную келью (...). Я упал на колени и горячо молился. Из гроба я пел мысленно Воскресенье. Окошечко мое разбилось вдребезги, и только холод, меня охвативший, привел меня к действительности”.

В. Вейдле.

СВЕТЛОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Пробила полночь... Грянул гром
И грохот радостный раздался;
От звона воздух колебался,
От пушек, в сумраке ночном,
По небу зарева бежали
И, разлетаясь во тьме,

ПРИМЕЧАНИЕ:

В ноябре 1966 г. группа верующих Кировской Епархии обратилась в Управление Московской Патриархии с жалобой на антицерковную деятельность еп. Иоанна и с настойчивой просьбой убрать недостойного архиерея с кафедры.

В ответ на это представитель Московской Патриархии заявил, что еп. Иоанн останется на кафедре, ибо Совет по делам религий категорически не согласен на его смещение.

Спустя несколько дней, 17 ноября 1967 г., еп. Иоанн скоропостижно скончался.

Меня, забытого в тюрьме,
Багровым светом освещали.
Я, на коленях стоя, пел;
С любовью к небесам свободный взор летел...
И серафимов тьмы внезапно запылали
В надзвездной вышине
Их песни слышались мне.
С их гласом все миры гармонию сливали,
Средь горних сил Спаситель наш стоял,
И день, блестящий день сиял
Над сумраками ночи;
Стоял Он радостный средь волн небесных сил
И полные любви, божественные очи
На мир спасенный низводил.
И славу Вышнего, и на земле спасенье
Я тихим гласом воспевал,
И мой, мой также глас к Воскресшему взлетал:
Из гроба пел я воскресенье.

Александр ОДОЕВСКИЙ.

18 апреля 1826 г.

Петропавловская крепость.

ПАСХА НА КОЛЫМЕ, 1940 г.

(Из книги Е. С. Гинсбург (1), изданной в 1967 г. в Италии)

Очень поддерживали нас в ту смертельно опасную для нас весну и те примеры душевной стойкости, которые преподали нам наши полуграмотные воронежские религиозники. В конце апреля того года была Пасха. Несмотря на то, что именно воронежские всерьез, без «туфты» выполняли норму, что на них, главным образом, и держался производственный план «нашего седьмого километра», Кузен и слушать не стал, когда они начали просить освободить их от работы в первый день праздника.

(1) Евгения Гинсбург, член КПСС — жена бывшего секретаря Татарского Обкома, Асенова, и мать широко известного советского писателя В. Аксенова, была арестована в 1935 году и прошла двадцатилетний крестный путь тюрем, политизолятора, этап во Владивосток и Колымских лагерей. В феврале этого года миланский издатель Mondadori издал первую часть воспоминаний Е. Гинсбург, озаглавленных «Крутой Маршрут».

Из многочисленных свидетельств о лагерях, книга Е. Гинсбург одна из самых сильных.

Прим. Редакции.

— Мы вам, гражданин начальник, эту норму потом втрое отработаем, только уважьте...

— Никаких религиозных праздников мы не признаем и агитацию вы мне тут не разводите! С разводом в лес! И попробуйте только не работать. Это с вами так в зоне чикаются, акты составляют, да опера тревожат. А я с вами и сам управлюсь. По рабочему...

И этот злодей дал своим злодеям конкретное указание. Мы увидели все это. Из барака, откуда они отказывались выходить, повторяя: «Нынче Пасха, Пасха, грех работать», их выгнали прикладами. Но придя на рабочее место в лесу, они аккуратно составили в кучу свои топоры и пилы, степенно расселись на все еще мерзлые пни и стали петь молитвы. Тогда конвоиры, очевидно, выполняя инструкцию Кузена, приказали им разуться и стать босыми ногами в наледь, в холодную воду, выступившую на поверхности лесного озера, еще скованного льдом.

Помню, как бесстрашно вступилась тогда за крестьян старая большевичка Маша Мино:

— Что вы делаете, — кричала она на стрелков, и голос ее срывался от гнева, — ведь это крестьяне. Как вы смеее восстанавливать их против советской власти! Жаловаться будем! И на вас управу найдем...

В ответ — угрозы и даже выстрелы в воздух. Не помню уже, сколько часов длилась эта пытка, для религиозниц — физическая, для нас — моральная. Они стояли босиком на льду и продолжали петь молитвы, а мы, побросав свои инструменты, метались от одного стрелка к другому, умоляя и уговаривая, рыдая и плача.

Карцер был в ту ночь забит так, что даже стоять было трудно. И тем не менее ночь прошла незаметно. Спорили до самого утра. Как расценивать поведение воронежских? Фанатизм или настоящая человеческая стойкость в отстаивании свободы своей совести? Назвать их безумными или восхищаться ими? И самое главное, волнующее: смогли ли бы мы так?..

Спорили так жарко, что почти полностью забыли о голоде, изнурении, вонючей сырости карцера. Интересней всего, что ни одна из часов стоявших на льду воронежских не заболела. И норму уже на следующий день они выполнили на 120 процентов.

БИБЛИОГРАФИЯ

«La Pensée Orthodoxe» — сборник статей профессоров Православного Богословского Института в Париже. 1966 г. Издание YMCA-Press, 11, rue de la Montagne Ste-Geneviève, Paris-5e.

Новый сборник трудов нашего Богословского Института, изданный на французском языке, является отрадным событием нашей Церковной жизни.

Не все статьи могут быть признаны научными в классическом смысле этого слова, но элементы научности присущи им всем.

Сборник является богословским и в нем наличествуют, со тою или иною степенью наглядности, почти везде темы о сущности богословия и Священного Предания. Разумеется, обе темы неотделимы одна от другой. Явное или менее явное наличие их почти во всех статьях дает возможность воспринимать Сборник, как нечто целое. Эта цельность оправдывает заглавие и важна в нашу “экуменическую эпоху”. Самое наличие указанных тем делает Сборник своевременным и современным.

Заранее соглашаясь быть обвиненным в некотором субъективизме, автор данной рецензии предполагает рассматривать Сборник касаясь преимущественно именно указанных выше тем. Основной критерий, который интуитивно определил его отношение к разбираемому материалу, нашел опору в одной замечательной статье о. Георгия Флоровского. Поэтому не лишним будет привести кое-какие высказанные в ней мысли. Вот что пишет о. Г. Флоровский о предании и богословии: “Предание есть, в конечном итоге, непрерывность божественной Помощи, пребывание, присутствие Духа Святого”. И в другом месте: “отличительным признаком свято-отеческого богословия была его экзистенциальность... Оно обращалось в конечном итоге именно к вере, к духовному пониманию... Это богословие может только проповедываться и провозглашаться, но никак не просто преподаваться по-школьному... Христианские формулы в действительности наполнены смыслом только для верующих, для тех, кто, встретив Живого Христа, признал Его Богом Спасителем, для тех, кто живет верою в Него, в Его Теле — Церкви... В этом смысле богословие никогда не является самодовлеющей наукой... Оно постоянно требует видения веры: “о том, что мы видели и слышали возвещаем вам”.

В самом Сборнике некоторым ключом для его оценки может явиться статья о. Никоса Ниситиотиса. Автор ее очень вдохновенно также показывает, чем должно быть Богословие. Основную мысль его можно очень вольно и упрощенно передать следующим образом. Как самая христианская жизнь есть не просто человеческая, а богочеловеческая — таким же как часть этой жизни должно быть и богословие. В нем должно быть дано место благодатному воздействию, что возможно при некотором самоограничении и самоотречении. Для богослова оно выражается в признании, во-первых, всегда пребывающей тайны (это признание прав-

ды апофатического богословия) и, во-вторых, в признании наличия в Церкви постоянно действующего Силю Духа Святого божественного Откровения, что и есть живое Предание Церкви. Такое признание смиряет богословствующий ум и делает его приемником благодатного вдохновения. Тогда богословствование совершается по любви к Богу и к людям и соответственно принимает характер доксиологический и сотериологический, об этом автор пишет особенно убедительно. “Богословие есть благодарение, дело, по духу своему, евхаристическое, так как познание Бога Непостижимого возможно (в некоторой мере) только при глубокой признательности человека к Богу”. В другом месте автор добавляет: “в Церкви нет такого догмата, который не мог бы стать хвалой (доксологией) — гимном во славу Божию и в Церкви нет гимнов, которые не являлись бы в некотором смысле пояснением предметов веры”... “культ и догмат нераздельны в православной традиции. Нельзя совершить евхаристическое приношение (анасфору) не пропев, в духе благодарения, Символа Веры”... “В богословском славословии всегда преодолевается антиномия между самим божественным событием и его рациональным описанием”.

Относительно же практически сотериологического характера истинного Богословия автор пишет: “богословие создается перед Богом, как некая разумная литургия... с целью спасти народ Божий и Церковь от всякого самоотделения (от мира) и чтобы не дать миру ниспасть в тошнотворную духовную бесплодность”.

Автор также указывает и на то, чем богословие не должно быть.

В краткой рецензии нельзя передать всего содержания статьи, но можно еще добавить то, о чем говорит и о. Флоровский, но чего не говорит о. Ниситиотис, что православное богословие в итоге всегда Христоцентрично. Было бы желательнее также, в такой статье, сильнее подчеркнуть значение для богословия личного духовного опыта богословствующего человека.

Плодом личного духовного опыта является несомненно статья В.В. Вейдле. Его особая богословская тема крепко связана со всем тем, о чем он писал в родной ему области искусства и что без сомнения он глубоко переживал. Вне связи со многими другими его трудами в этой области, может быть не все в разбираемой статье может быть верно понято. В статье слиты две темы: одна о знаках, в частности о словах и речи, лишь что-то обозначающих или что-то выражающих, другая — чисто богословская о преложении Святых Даров. Тема о знаках (систематическая) изложена, пожалуй, более наглядно не в разбираемой, а в другой статье того же автора. Из текста ее здесь и приводятся некоторые слова: “обозначения условны, они как цифры или нотные знаки ничего не имеют общего с тем, что выражают, тогда как выражающие знаки стремятся к сближению, к сходству, к отождествлению с выражаемым, к воплощению его в том, что его выражает... В отличие от обозначения, выражающее воплощение — есть творческий акт, который может удасться или не удасться... Богословский термин “воплощение” тут и уместен потому, что христианское учение утверждает нераздельность, так и неслиянность двух природ в Богочеловеке”.

Как в разбираемом, так и в других этюдах, Вейдле показывает, что религия и искусство пользуются именно выражающими знаками или символами (этот термин, как указывает Вейдле, имеет различное значение в разных языках) и что, при помощи их нахождения, и происходит то особого рода познание, отличное от научного и более глубокое чем оно. В пределах искусства — полного тождества между выражающим знаком и тем, что он выражает не бывает, но это чудо имеет место в сакраментальной жизни Церкви в Таинстве Евхаристии. Здесь отменяется закон противоречия одновременно в плане онтологическом и логическом. Тут “А” выражаемое тождественно “В” выражающему, при чем, становясь “А”, “В” остается “В”, т. е. самим собою. Хлеб и вино — символ — оставаясь тем, что они есть — становятся также и при этом вполне Телом и Кровью Христовыми. Следуя в этом вопросе общей традиции Православной Церкви и, в частности, прекрасному исследованию о. С. Булгакова, Вейдле показывает, что ясность установительных слов Самого Спасителя самое по себе исключает всякое искусственное толкование средневековой схоластики, толкующей Таинство почти как некое физико-химическое превращение. Здесь нельзя не отметить, что это отчасти заразившее и нас православных схоластическое учение о “переосуществлении” иногда тяжело давит на сердца верующих и они испытывают глубокое облегчение, получая разъяснение подобное тому, что имеет место в статье Вейдле. Она имеет также и экуменическое значение; в частности благодаря тому, что в отрядном для нас смысле позиция в этом вопросе протестантов несколько сближается с нашей. Статья Вейдле заканчивается следующими словами: “Для верующих реальное присутствие (в Святах Дарах Христа) — есть священное Присутствие, с чем ничто профанное не может быть сравниваемо. Мы придерживаемся того же мнения... И все-таки, если слишком настаивать на верности такого взгляда, можно в конце концов дойти до отрицания в мире наличия всего священного вообще и тем самым и человеческого. Чудо сакраментального — реального Присутствия (в Святах Дарах) есть нечто безусловно единственное, но существуют ступени, градации священного и дозволено верить, что в области мышления, выражающего и символизирующего, нет ничего абсолютно профанного. Если все наше искусство есть ничто иное, как поиски некоего реального присутствия, то оно в то же время есть в своем пределе взывание Присутствия Священного.

Слова эти о ступенях или градациях священного могут быть, вопреки убеждению самого Вейдле, неверно поняты. Думается, что уместно, пользуясь отчасти словами самого автора разбираемого этюда, предостеречь от недолжного их понимания. Может показаться, что автор хочет сказать (чего на самом деле нет), что от творческих воплощений, имеющих место в искусстве, имеется какой-то прямой переход к совершающемуся в сакраментальных актах. Такого перехода нет и быть не может. Святое, божественное — запредельно (трансцендентно). Никакое самое совершенное искусство обладать им не может, как и не в состоянии понудить его вместиться в свои даже наилучшие выражающие знаки и символы. Здесь магия бессильна, даже та, которая несомненно присуща искусству. Отметить эту невозможность важно, потому, что противоположное ошибочное мнение иногда оборачивалось в настоящий соблазн: заменить в той или иной мере религию искусством (Вагнер, Скрябин, кое-кто из на-

ших символистов...). В. В. Вейдле, как в разбираемом, так и в других своих этюдах, достаточно определенно указывает на линию, разделяющую искусство от религии. Так он пишет: “человеческое наше слово не соприродно Слову, Которое было в начале”... Можно привести еще и другие слова: “Искусство не включает в себя религию, но религия включает в себя искусство” или: “культура идет из религии, но не вводит нас в религию”.

Если из изложенного ясно, что божественная благодать не связана со степенью художественной выразительности и, тем самым, не обусловлена творчески художественным актом человека, то все же остается вопрос о соотношении благодати и знаков выражающих, а тем самым вопрос о Слове, Которое было в начале и слове человеческом. Это не есть тема, которой занят Вейдле в своем этюде, но к этой теме он неизбежно подводит и благодаря этому его темы связываются с тематикой всего Сборника.

Здесь бы и следовало прервать размышления о работе Вейдле, но ее глубина понуждает добавить к уже сказанному еще несколько размышлений, скорее вопрошаний. Да, если человек не в силах, при помощи своего художественного творчества, даже стремясь к самому Высокому — воплотить в созданных им образах самое запредельное (трансцендентное), святое, божественное — то Бог-то может, если так можно выразиться, вместиться в человеческих словах и знаках и человек, в свою очередь, все же может вместить в свои символы НЕЧТО, что действительно никак нельзя назвать профанным и что Вейдле называет священным. Думается, что слово “священное” требует оговорки, а именно: священное не есть святое. Искусство, при некоторых особых условиях, действительно не только стремится овладеть, но и овладевает реальным присутствием священного, но это священное есть всегда только отражение, образ, символ Святого... Искусство не властно выйти из этого мира символов, а там где оно подходит действительно к реальному присутствию Святого — искусство (по крайней мере человеческое) умолкает. Там — “да молчит всякая плоть”. Но даже в воплощении того, что оно видит, ограничено в своих возможностях. Художественных воплощений вполне адекватных тайно узренному не бывает. В этом драма художественного творчества. Многие поэты остро это переживают. Вспомним, хотя бы, Тютчевское: “мысль изреченная есть ложь”, Блоковскую Птицу, “шестое чувство” Гумилева. А Бог, как пользуется Он человеческим словом и знаками? Он может потребовать, а может и не потребовать для этого творческих усилий человека. При совершении Таинства Евхаристии — даже и при недостойном предстоятеле, Таинство совершается, но молитва Собрания — требуется. Здесь есть о чем задуматься. От молитвы не требуется обязательно художественности, как и от иконы (на последнюю указывает и Вейдле), но икона и молитва могут быть чудотворными, то-есть стать вместилищем Святого.

Не в молитве ли предел искусства? Не к этому ли пределу оно стремится? Настоящая молитва не есть ведь просто монолог, она всегда диалог, — но для человека настоящая молитва есть экзистенциальный акт. Нужно чтобы человек вложил бы в молитву целиком. О. Иоанн Кронштадтский пишет: “У человека, у которого слово никогда не рас-

ходится с делом — слово (молитва) всегда действенно”. Почему? Потому, что тогда он уподобляется Богу “Который Прост, Который Весь в каждой мысли Своей и в каждом Своем слове”.

На этом пора наконец остановить свои размышления о статье Вейдле, возбуждающей столько мыслей и глубоких вопрошаний.

От размышлений о работе Вейдле, может быть всего естественнее перейти к труду Н. А. Куломзина о Владыке Кассиане, основным делом которого было благоговейное размышление о тайне воплощения Божественного Слова, не только в Лице Господа Иисуса, но и в словах Священного Писания.

Куломзину удалось, с достохвальной любовью к своему учителю, начертать его образ и добраться до самой сердцевины его богословия. Задача нелегкая, так как у епископа Кассиана самые значительные его высказывания разбросаны то там, то тут.

Куломзин совершенно правильно выдвинул на первый план методологию Владыки. Но в области исследования Священного Писания, может быть более, чем в какой-либо иной, метод неотделим от сущности исследования и поэтому было бы, пожалуй, правильнее эту часть прямо отнести к III-ей главе статьи “Богословие епископа Кассиана”.

Говоря о методологии последнего, автор статьи приводит два существенных утверждений своего учителя, во-первых, что: “Писание может быть лучше понято в свете личного опыта каждого и что только духовный взор открывает в нем новые глубины” и во-вторых (это касается уже вопроса о Богородности Писания): “естественные усилия священного автора, соединенные с воздействием Святого Духа, являют нам Священное Писание, как некое Богочеловеческое действие, соответствующее двум природам Христа и Церкви”.

Такое понимание сущности Священного Писания (кстати сказать — общеправославное) является и само по себе плодом своего рода богочеловеческого действия. (Подобное познается подобным). Богословие же бывает и может быть таковым в силу того, что его пределом является именно Священное Писание, которое есть вершина Богословия.

Из вышеуказанного понимания Священного Писания вытекает самый метод еп. Кассиана — проверять вопрошания науки о Новом Завете прежде всего данными Новозаветной письменности. Тем самым обеспечивается и то, что исследование остается в лоне Священного Предания. По поводу этого метода, Куломзин пишет: “нельзя не восхищаться стройностью его системы. Не все в ней, разумеется, оригинально, но все серьезно проверено и может служить твердым основанием для тех, кто хочет углубить новозаветные изыскания”.

Каков же метод самого Куломзина? Очень стараюсь быть объективным, он скрывает свое “Богословское лицо”, но некоторые другие его собственные наброски и в особенности статья об ап. Петре в известном Сборнике «La Primauté de Pierre» показывают, что его метод, пока что, очень близок методу еп. Кассиана.

В последней части своей статьи Куломзин останавливается на других богословских темах Владыки, справедливо отмечая его особую любовь к Иоанновой письменности. Здесь в заключение нельзя не вспомнить, что в отношении последней Владыка Кассиан широко применял метод формальной литературной критики и, открывая особенности ритмической композиции любимого ученика Господня, несомненно помогал своим слушателям глубоко проникать в самый смысл его Богодухновенной мысли.

Читатели П. Н. Евдокимова не раз отмечали, как востая в святоотеческую почву, он сам вырастает, как богослов. Статья его в Сборнике не есть научный этюд, но она плод подлинного богословского созерцания. Тема ее — динамизм Священного Предания и Истории. Динамизм этот не внешний и линейный, не горизонтальный, а внутренний. Это динамизм созревания в Царство Божие, в сторону эсхатологии и вечности. Но вечность (и тем самым эсхатология) уже присутствуют во времени и в Истории. — Это Сам Христос и Его свет. “Истинное содержание истории это Христос”, пишет Евдокимов, “невозможно превзойти Христа, но Сам Христос Себя превосходит... для Своего Второго Пришествия (Парусии)”... “Христос Прославленный превосходит Христа Исторического”.

Евдокимов также показывает, что Святой Дух дает нам познать Христа в историческом прошлом, и Христа Второго Пришествия (Парусии), которая не есть вовсе будущее или только будущее, а полнота, плерома. Поясняя эту мысль Евдокимов приводит нижеследующую цитату: “для тех, кто стали сынами Света и будущего Дня — День Господень не придет никогда, так как они всегда в Боге и с Богом”.

Такое Христоцентрическое понимание Истории устраняет соблазн ожидания какого-то третьего Завета Святого Духа (Евдокимов указывает на лжеучение Иоакима Флора, вполне законно назвать здесь и Мережковского). Автор разбираемой статьи дает ряд ярких примеров того, как динамическое — эсхатологическое понимание Истории выразилось в структуре и текстах литургии и в формах храма.

Весьма интересна глава “Гносис”. В ней, настаивая на всем значении апофатического богословия, автор показывает, что оно не есть отказ от познания, но познание особого рода — экзистенциальное. Оно требует жертвенности, в частности, трудного для разума допущения антиномий. Пример таковых он находит в Палаитском богословии, а именно в признании за пределами (трансцендентности) Сущности Бога, и вместе с тем, возможности реального общения с Ним через Божественные энергии.

В мистическом познании Бога, “приближаясь к Свету, душа сама становится светом” пишет Св. Григорий Нисский в цитате приводимой Евдокимовым. О том же, вспомним, говорил преп. Серафим Мотовилову. Это все наводит на мысль, что в истинном Богопознании — Сам Бог является Познающим и Познаваемым, и что к этому пределу стремится всякое познание. Предел этот есть в то же время и обожение человека.

Другой вопрос, это — запечатление познанного. Согласно Евдокимову: “чем глубже мысль, тем менее она адекватна своему выражению”

и затем, говоря о все большем умолкании при явлении высших откровений, Евдокимов заканчивает новой цитатой: "молчание не отличается от внутреннего слова".

Много и других тем имеются в этом интересном наброске. Автор ее особенно горячо пишет касаясь современности и, в частности, о возможности окостенения, угрожающем даже исторической Церкви. Эти строки, да и вся статья — есть призыв к высшей ответственности, к прочесному горению и к жертвенному свидетельству о Христе.

Статья о. Князева о Приснодевстве Божией Матери — на первый взгляд может показаться далекой от той тематики, которая, в этой заметке, условно названа основной для Сборника. Тем не менее, все знают, что Божия Мать есть как бы первая Хранительница Священного Предания и его Живое Олицетворение. Достаточно вспомнить, что сказано о Ней тотчас после повествования о поклонении волхвов (Лука, 11, 19). Это уже достаточно роднит тему о. Князева с темой других статей. Но вчитываясь в эту статью, не трудно увидеть, что самый метод исследования его понуждает ставить вопросы о сущности Священного Предания и богословствования. Этот метод близок методу епископа Кассиана и строго выдержан, что позволяет говорить о научности статьи, о чем также свидетельствует и большой "аппарат ссылок", ее сопровождающий. Тем не менее, эта научность, это Богословие имеет свою полноценность только в христианском или может быть даже только в Православном мире. Вспомним еще раз сказанное о. Г. Флоровским: "Христианские формулы... наполнены смыслом только для... тех, кто встретив Живого Христа, признал Его Богом и Спасителем, кто живет в Нем, в Его Церкви... Поэтому эти формулировки никогда нельзя выделять из духовного контекста".

О. А. Князев и стремится в первую очередь установить некоторые духовные контексты. Во-первых, показав новозаветный портрет или, точнее, икону Приснодевы, и начертав картину различных форм преображения, совершающегося в мире от прикосновения к нему Божества. Здесь автор пользуется свидетельствами не только библейскими, но также и отцов-пустынников, ссылающихся на свой внутренний опыт.

Установив все это, о. Князев приходит к убеждению, что прикосновение Божества настолько преображает все сотворенное, в особенности человека, что на высших ступенях благодатствования несомненно необходимы полная чистота и полная отдача себя Богу.

Этот постулат вызывает и другой, а именно, что Благодатствованная свыше всякой меры (при Благовещении) Дева Мария не могла не сохранить Своего девства навсегда, т. е. не могла не быть Приснодевой, так же как и то, что Ее Сын — Богочеловек — навсегда должен был остаться Центром Ее жизни. Эти постулаты порождают еще и новый, а именно, что Божия Мать дала обет девства. Здесь о. Алексей весьма убедительно показывает, что вопрос Девы Марии: "как может это быть, когда Я мужа не знаю?" есть свидетельство о данном Ею обете.

В статье также убедительно сопоставление Божией Матери с Церковью, в особенности же стремление автора отнести к Ней слово о Церкви в Послании к Ефесенам (V глава). Очень вдохновенны и слова автора о "втором Материнстве" Божией Матери, совершившемся у Креста Господня. Оправдана при этом и ссылка на положительный духовный опыт миллиона христиан о помощи Пречистой их Заступницы. Статья о. А. Князева является примером богословия, основанного на вере в Бога, в Священное Писание и Предание. Только такая вера может дать основание для системы постулатов и сделать основанные на этом выводы — достойными веры, т. е. достоверными.

Этюд о. Бориса Бобринского, это — сообщение о жизни и учении Николая Кавасилы. В нем не затрагиваются прямо вопросы о сущности Предания и богословия, но в образе всего написанного Кавасилой дается яркий пример православного богословия.

Все богословие Кавасилы имеет своим источником некоторое непосредственное мистическое созерцание исследуемых предметов, характер его гимнический, это доксология. В то же время в нем забота о спасении других людей. Это истинный христианский призыв: "Придите и увидите, как благ Господь".

Первая заслуга о. Бориса в том, что, укрываясь как автор в тени, он дает читателю возможность услышать внятно голос Николая Кавасилы. В этом — любовь автора к тому Учителю Церкви, о котором он пишет. Такой дар свыше есть также необходимое условие для богословия этого рода.

Вторая заслуга — учет многих трудов относящихся к его предмету. Но, может быть самое ценное — это то, что, пользуясь учением Николая Кавасилы, о. Борис раскрывает идеал гармонически цельной христианской жизни. Все знают, как преувеличенное выдвигание вперед той или иной области этой жизни приводит к ее искажению. Их особенно много в наше время. Так, неосторожное увлечение индивидуальной молитвой Иисусовой в частности, может привести к обскурантизму или к опасной экзальтации. Так, необдуманное стремление держаться лишь за одну sacramентальную жизнь нередко приводит к ритуализму, к законничеству. Бывают уклоны к морализму, к вовсе отвлеченному богословствованию. Уклонов, нельзя этого не повторить, много, и вот на примере Николая Кавасилы, следуя по стопам своего старшего коллеги — о. Иоанна Мейендорфа, сделавшего то же при исследовании жизни св. Григория Паламы, о. Бобринский ясно указывает среднюю золотую меру христианской жизни, в которой каждая сторона ее необходимо дополняет другую. Все сходится в живой любви ко Христу, возжигаемой Святым Духом. В этом путь к Отцу Небесному.

О. Борис показывает также, что только на этом пути, где богословие и жизнь неотделимы, могут быть плодотворными встречи с христианами других исповеданий.

Таким образом работа о Бориса Бобринского, которая на первый взгляд может показаться некоторым специальным патрологическим исследованием, на самом деле очень современна и своевременна.

Сжатая, насыщенная статья Оливье Клемана, по своему значению выходит за пределы, обозначенные заглавием. Она касается мучительных язв современного человечества — неверия и неполноты веры. Сделав четкий обзор различных отрицаний христианской Истины и обнаружив большую эрудицию в этом вопросе, автор останавливается преимущественно на самых тонких и хронологически самых поздних их видах. Они наиболее опасны потому, что основаны на признании духовной жизни человека и даже иногда Бога.

Оливье Клеман показывает, что у Бердяева можно найти достаточно данных, чтобы отражать такого рода учения.

Бердяев, этот вдохновенный защитник свободы духа — предупреждал, прежде всего, что не должно бояться свободы исследования и что не следует пытаться ее ограничивать. Во-вторых, он показал, что всякое исследование не может быть плодотворным, если отрицается самый предмет изучения, например — в области наук изучающих религии — самая религия, понятие которой, заранее, à priori, нередко сводится к проявлению каких-то других начал (например, экономических, социологических, физиологических и т. п.).

Это неопровержимое методологическое указание, конечно, относится и к более тонким отрицателям христианской истины, которые пытаются свести веру во Христа к созданию мифов, олицетворяющих некоторые проявления духовной жизни человека. Кое-кто из таких отрицателей допускают даже воздействие Бога на указанный мифотворческий процесс, но упорно отрицают возможность Богоявления во внешнем мире и в особенности Боговоплощение и все связанные с этим чудеса. Эти теории опираются также на априорное отрицание религиозного Предмета — во всей его Полноте.

Но видение Полноты религиозного Предмета все же и недоступно одному дискурсивному, рациональному мышлению и внешнему опыту. Бердяев пишет: "требуется духовное око, чтобы видеть и познать духовный Предмет. Иначе останешься на поверхности и увидишь фасад, но не подлинную реальность".

Для объяснения духовной слепоты у Бердяева есть своя особая теория об **объективизации** (этот термин у него отнюдь не соответствует обычному понятию "объективный").

Всего лучше эта теория изложена им в книге "Я и Мир Объектов". Не имея возможности серьезно остановиться на этой теории, Клеман справедливо только указывает, что вне этих философских построений трудно с достаточной полнотой изложить все сказанное Бердяевым о современном неверии. В краткой рецензии на краткую статью тем менее найдется место для такого экскурса.

Все же нельзя не добавить, что автор разбираемого этюда за философской гносеологией Бердяева всегда видит ее религиозную основу.

Религиозная метафизика Бердяева, несмотря на то, что кое-что в ней неприемлемо для православного сознания (например, учение о несотворенной свободе и о небытии как некотором виде бытия) все же весьма глубока и составляет одно целое с его гносеологией (в чем ее экзистенциальность).

Нельзя здесь не упомянуть еще того, что автор очерка о Бердяеве отмечает, как этот вдохновенный глашатай духовной свободы в недостатке внешних свидетельств о Христе (вне св. Предания) и в невозможности рационалистически объяснить все евангельские события — видел промыслительное ограждение Богом нашей свободы, которая выражается в актах веры и любви. "Вера не должна иметь внешних гарантий, она была бы принуждением". "Она не может быть следствием научных изысканий". "Она проистекает из абсолютного источника". "Нельзя сомневаться в историческом бытии Александра Великого и Сократа, а в бытии исторического Христа — возможно". И это, как думает Бердяев, хорошо. Свобода, по словам его, открывается только свободе, личность — личности, любовь — любви. Отказ Бога сделать для нас принудительно-очевидным событие Боговоплощения — это источник нашей свободы: "Наличие веры в первохристианской общине наука может зарегистрировать, но она не вправе (оставаясь наукой) судит: есть ли содержание этой веры реальность или иллюзия".

Свою статью Оливье Клеман заканчивает, как он выражается, "восхитительной" цитатой. Думается, что и настоящую рецензию о работе Клемана следует также закончить тем же. Вот сокращенный текст этих размышлений Бердяева:

"Община верующих, которую исследуют ученые, это Церковь, "мифотворческий процесс", что в ней происходит, это — динамическая жизнь церковного Предания, участвуя в которой мы касаемся самых глубоких реальностей, невидимых для внешнего взора, обращенного только на внешний эмпирический мир...".

"Абсолютная реальность Богочеловека открывается в Священном Предании Церкви, в духовном Ее опыте. И только внутри Церкви можно узреть в целостности Лик Христа, в котором Иисус и Христос, человек и Бог — не могут быть никогда отделены".

Вопросы о сущности Священного Предания и Богословия, с которыми по разному соприкасаются авторы Сборника, еще более углубляет в своей статье о. Киприан. Он развертывает ослепительную панораму метафизических видений св. Отцов, в то же время показывая, насколько познание и жизнь являются для них единым делом. Как будто даже сухо, следуя примерно хронологическому порядку, о. Киприан возводит постепенно читателя к таким высотам отечественного Богословия, где — трудно этого не сказать — дух захватывает. Для знакомых с Богословием, затронутые вопросы не новы, но автор статьи сделал доступное по существу только мистическому опыту — доступным и не имеющим его. Для отцов Церкви видимый мир является символом мира невиди-

мого. В каждом предмете скрывается до конца непостижимая сущность, его смысл, его назначение, его логос.

Эти смыслы, логосы вещей составляют стройную иерархическую систему и восходят к Смыслу всех смыслов, к Божественному Логосу или Слову, в котором они все содержатся. Среди творений, наивысшее — человек и его логос может быть наилучшим отражением Предвечного Логоса, а в то же время он отражает в себе и все другие логосы, и в этом отношении человек является микрокосмосом. Божественный Логос познается через созерцание логосов, смыслов — сотворенных, в особенности же через познание человеком самого себя, своего логоса. Такое познание достижимо через уподобление человека своему Пробразу. Это путь очищения, аскезы. Подлинное познание мира и Бога неотделимо от самосовершенствования. В то же время самое созерцание, в свою очередь, очищает и преобразует человека.

Если примерно так, несколько грубо упрощенно, можно представить схему свято-отечественного миропонимания (по о. Киприану), то мировоззрения отдельных отцов являют собою очень различные варианты схемы. Особенно не сходна у них терминология. Разнообразно и толкование отдельных символов — например, человека и храма, которые в своем эмпирическом состоянии рассматриваются как символы. Интересно как, согласно статье о. Киприана, сопоставлены Церковь и человек; для некоторых отцов они являются символами друг друга. То же относится и к храму и человеку.

В статье имеется краткий обзор святоотечественных толкований понятия Образа Божия в человеке. В заключение своей работы, о. Киприан затрагивает в метафизическом плане вопрос о сущности и происхождении человеческих слов. К сожалению, эта часть работы, которую он не успел вполне связать с предыдущими темами, обрывается там, где автор начал вдохновенно перебирать самые глубокие вопросы этой области.

В Сборнике, наиболее научна, в классическом смысле этого слова, статья о. Николая Афанасьева. Это очень специальное исследование, которое может обрести полноту в контексте всех трудов недавно скончавшегося нашего выдающегося богослова. Как все, что писал он — и эта работа очень интересна.

В заключение можно еще сказать, что все авторы Сборника обладают искусством пользоваться цитатами. Такое умение можно действительно рассматривать, как своего рода особое искусство, может быть подобное искусству ювелира, вставляющему в ценную оправу еще более драгоценные камни. Об искусстве цитирования можно было бы написать целый трактат. Цитата одно из самых сильных орудий в арсенале человеческого слова. Цитатами люди убивали друг друга, но цитата может спасти.

Словами других людей нужно пользоваться с бережностью и любовью, особенно же словами св. отцов, литургическими текстами и всем реченным в Священном Писании. Умение пользоваться цитатами бывает также свидетельством о соборной настроенности человека.

Архимандрит А. Семенов Тянь-Шанский.

ХРОНИКА

МИССИОНЕРСКАЯ ПОЕЗДКА В БРЮССЕЛЬ

(8 и 9 апреля 1967 г.)

В субботу 8-го и в воскресенье 9-го апреля состоялась миссионерская поездка в Брюссель, устроенная Председателем Миссионерской Комиссии при Совете Архиепископии И. В. Морозовым, совместно с Брюссельским Приходом в честь Святителя Николая Чудотворца и Великомученика и Целителя Пантелеймона, при ближайшем участии руководителей Кружка Русской Молодежи О. В. Киприанович, М. А. Саркисяна и П. Реснянского. В поездке приняли участие 11 человек, кроме И. В. Морозова, прот. Петра Струве, проф. В. В. Вейдле, член Совета Архиепископии А. Д. Шмеман и группа молодежи в составе 7 человек.

В субботу, после всенощной, которую служил обслуживающий в настоящее время приходский храм прот. Георгий Вагнер, в большом и хорошем помещении, любезно предоставленном местным католическим центром, был устроен литературный вечер, собравший много народа. В первой части проф. В. В. Вейдле прочел очень обстоятельный и глубокий доклад на тему "Наследие русской культуры и ее значение для XX в.", прослушанный с исключительным интересом. Во второй части, посвященной поэту Александру Блоку, выступили, с большим успехом, приехавшие из Парижа в составе группы молодежи, М. Соллогуб и Н. Воронцова. В третьей части И. В. Морозов прочел выдержки из книги Солоухина "Письма из русского музея" и его стихотворение "Волки", произведшие большое впечатление, а В. В. Вейдле сказал несколько слов о молодом русском поэте И. Бродском и прочел несколько его произведений.

Это первый раз, что в программу миссионерской поездки была включена литературная часть и судя по успеху вечера можно с уверенностью сказать, что опыт этот оказался вполне удачным.

На следующий день, в воскресенье, литургию служили прот. Георгий Вагнер и прот. Петр Струве. Храм был переполнен молящимися, многие приобщались Св. Тайн. Пел большой и хороший местный хор, под управлением своего регента и вдохновителя Селезнева. Оба священника проповедывали, о. Георгий на Евангельскую тему, а о. Петр объяснил почему нужно, в некоторых случаях и теперь все чаще и чаще, служить на иностранных языках.

После завтрака, на котором присутствовало, кроме приехавших из Парижа, много местной молодежи, было устроено небольшое, оживленно прошедшее, собрание молодежи, основной темой которого было "Православие на Западе".

В 4 часа дня состоялось большое собрание, опять собравшее много народу, на котором были прочитаны два больших доклада: И. В. Морозов "Христианин в жизни" и о. Петр Струве, на французском языке, о Евхаристии. Оба доклада были прослушаны с большим вниманием и интересом. Участники собрания просили устраивать подобные собрания как можно чаще.

В промежутках между службами и собраниями, приехавшие из Парижа беседовали со многими прихожанами о жизни их Прихода, стараясь определить как и чем помочь в имеющихся трудностях. О. Петр, со своей стороны, много разговаривал с группой православных бель-

гийцев, оказавшихся в данное время, в очень бедственном положении из-за крупных потрясений, происшедших в их Общине.

Общее впечатление от этой поездки — отрадное. Наш приход в Брюсселе хороший и дружный. Он со смирением и терпением переносит все трудности, связанные с тем, что уже долгое время у него нет Настоятеля, но все же очень надеется на то, что этому ненормальному положению, в скором времени, будет положен конец.

А. Д. Шмеман.

LES EDITEURS REUNIS

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, Paris (5e)

Téléphone : ODE. 7446 et ODE. 43-81

Compte Chèques Postaux : Paris 13313-73

Фр.

Лев Шестов — Sola Fide — Толко Верю	
1. Греческая и средневек. философия	
2. Лютер и Церковь	29,—
Крылов — Пасха Господня. Дванадес. праздники .	20,—
Св. Библия. Перепеч. с синод. изд. мал. формата .	16,—
Бердяев — Самопознание. (Опыт философской автобиографии)	20,—
Булгаков С. — Купина Неопалимая	20,—
Зеньковский В. — Апологетика	20,—
Зандер Л. — Тайна добра (Достоевский)	9,50
О Достоевском. Сб. статей Биццили, Комарович, Ю. Тынянова и С. Гессена	20,—
Вейдле — Задача России	12,—
Мать Мария (Скобцова) — Стихи и кратк. биогр. .	10,—
Мандельштам О. — Стихотворения. Т. I, в пер.	23,75
» — Стихи и проза. Т. II, в пер.	23,75
Гинсбург — Крутой маршрут	28,50
Защита веры в СССР. 1966	8,75
Чуковская Л. — Опустелый дом. (Повесть)	12,—
Ишутина Е. — Нарым (Дневник ссыльной)	7,—
Ильин И. А. — Аксиомы религиозного опыта, 2 тома .	32,—
Киприан, архим. — Золотой век святоотеческой письменности (IV век). Поступает в продажу в конце апреля.	

ВЕСТНИК

Русского Студенческого Христианского Движения
XXXII-й год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

- Во Франции:** Подписную плату просим вносить только на почтовый счет P.C.X.D.: Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier de Serres, Paris-15e. C.C.P. 2441-04. Подписная плата на год: 15 фр., с целью поддержки: 20 фр.; 50 фр.
- в Америке:** Mrs. Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, U.S.A.
- San Francisco** Mrs Olga Raevsky-Hughes, 1418, 24th Ave. San Francisco, Calif., 94122, U.S.A. Подписная плата на год: 3,5 долл., с целью поддержки — 5 долларов; 10 долларов.
- в Англии:** Подписная плата на год: 1,50 англ. фунт.
- в Бельгии:** Mr. Pierre Rosniansky, 19, rue du Cornet, Bruxelles 4, Belgique. Подписная плата на год: 200 белл. с целью поддержки — 200 белл.
- в Германии:** Herr A. Beerwieser, Postfach 100, 4000 D. Duesseldorf, Heim. Deutscher Studenten. Подписная плата на год: 15 гер. м.
- в Канаде:** Miss E. Trovati, P. Que. Saguenay. Подписная плата на год: — 5 доллар.
- в Швеции:** Prost S. Thorsell, Suède. Подписная плата на год: — 5 швед. кр.

Tous droits de traduction réservés

Выходит четыре

Подписная плата
Цена отдельного
с целью поддержки

Quatre numéros par

Abonnement annuel
Prix du numéro :

Imprimé

645

СПРАВОЧНИКИ